Томский

Наши достижения и недостатки

ВОПРОСЫ И РЕШЕНИЯ
VII ВСЕСОЮЗНОГО С'ЕЗДА
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

М. ТОМСКИЙ

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ И НЕДОСТАТКИ

ИЗД-ВО В·Ц·С·П·С МОСКВА
1927

ВОПРОСЫ И РЕШЕНИЯ
VII ВСЕСОЮЗНОГО С'ЕЗДА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

М. ТОМСКИЙ

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ И НЕДОСТАТКИ

ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
НА VII ВСЕСОЮЗНОМ С'ЕЗДЕ ПРОФСОЮЗОВ

ИЗДАНИЕ ВЦСПС МОСКВА
1927

Главлит № 87.910 Тираж 15.000.
Типография РИО ВЦСПС, Москва, Крутицкий Вал, дом № 36.

— Товарищи, приступая к отчету ВЦСПС, я полагаю, что перед С'ездом при обсуждении этого пункта порядка дня стоят следующие две задачи: первая, это — проверка, правильно ли выполнены Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов те руководящие директивы, на основании которых он должен был работать. Вторая задача заключается в том, чтобы на основании проделанной ВЦСПС работы сделать соответствующие выводы, дабы, подытожив пережитый опыт, предупредить ошибки на будущее.

В своей работе мы руководствовались, в основном, резолюцией по отчету ВЦСПС, принятой на VI Всесоюзном С'езде Профсоюзов. Кроме того, мы руководствовались в нашей деятельности и такими документами, как постановления XIV С'езда ВКП (б) и XV партконференции. Политическая линия, занимаемая Центральным Советом Профсоюзов СССР, выражена в тезисах XIV С'езда ВКП (б) и XV партконференции, которые предварительно, до внесения в высшую партийную инстанцию, обсуждались в Президиуме ВЦСПС.

Оценивая и проверяя, правильно ли выполнил Президиум ВЦСПС данные ему директивы, в частности, директивы VI С'езда Профсоюзов, проверяя по тому отчету, который вам роздан, каждый шаг его деятельности, которая проходила на ваших глазах и за которую мы перед вами здесь отчитываемся, — С'езд не должен подходить

только с формальной точки зрения. Если бы мы стали подходить с формальной точки зрения, то, несомненно, в некоторых случаях, со стороны ВЦСПС и его Президиума, мы бы усмотрели некоторые формальные нарушения. Если мы станем, однако, анализировать эти формальные нарушения, то мы увидим, что не было ни одного случая, ни одного решения Пленума или Президиума, которое бы противоречило духу решений V и VI С'ездов Профсоюзов. Мы позволяли себе отходить от решений VI С'езда лишь тогда, когда видели, что существующие нормы и положения, будучи формально правильными, не соответствуют духу, намерениям, общему направлению работы и желаниям предыдущего с'езда.

Я приведу пример: мы отошли от постановлений VI С'езда Профсоюзов в вопросе о кассах взаимопомощи. Но мы пошли не назад, а вперед в этом вопросе, в направлении развития линии VI С'езда, и целый ряд широких рабочих организаций одобрил взятую нами линию. Если же подходить формально к нашему решению о кассах взаимопомощи, о реорганизации их работы, то вы тогда вправе сказать, что здесь — формальное нарушение постановлений VI С'езда о кассах взаимопомощи.

Наша работа протекала в обстановке бурного хозяйственного развития, хозяйственного роста. Но она протекала одновременно и в обстановке всех тех затруднений, которые из этого роста вытекали. Учитывая эти затруднения, нам часто приходилось выбирать между непосредственными ближайшими интересами, интересами сегодняшнего дня рабочих, и интересами рабочего класса в целом, как строителя социализма, как хозяина производства.

Фабзавком — главное звено связи с массами.

В нашей организационной работе мы обращали главное внимание на низшие звенья нашей профессиональной организации. Мы считали, что в союзной цепи самым главным звеном, на котором держится вся союзная работа, является первичная профессиональная ячейка — фабзавком. Вот почему мы обращали главное внимание на работу фабзавкомов. Вот почему многим порой казалось мелочным вмешательство в местную работу, когда мы подвергали обследованию ряд фабзавкомов, изучая их опыт. Мы считали и считаем фабзавкомы главным звеном той цепи, которая связывает высшие союзные организации, Советскую власть и компартию, как авангард рабочего класса, с широкими массами беспартийных рабочих. Это звено необходимо для осуществления лозунга: «Ближе к массам, наибольшее внимание к их экономическим и бытовым интересам, наиболее полное обслуживание масс, поднятие их культурного и материального уровня». Этим важным звеном являлись фабзавкомы и таковыми, мы полагаем, они останутся на ближайшее время.

Если мы оглянемся на наши достижения в осуществлении которых ВЦСПС считает себя причастным, то мы увидим, что за эти два года наиболее полно практически развернулась пролетарская демократия в профсоюзах. Мы приложили все усилия к осуществлению этой рабочей демократии. И я должен сказать, что порой, при проведении ее в жизнь, мы наталкивались на весьма значительное сопротивление ряда организаций, еще не охвативших, не понявших важности этого лозунга, не усвоивших необходимости быстрого осуществления.

Порой, нужно сказать, нам приходилось проводить демократию против воли некоторых профсоюзных верхов, отдельных работников, а порой и целых профорганов; порой приходилось проводить в жизнь этот принцип рабочей демократии несколько сурово, и для обеспечения демократии в низах иногда приходилось нарушать демократию в верхах, и когда вы будете обсуждать, по докладу ли ВЦСПС или по организационному вопросу, вопрос о правах и функциях ВЦСПС, вам необходимо будет с этим положением целиком и полностью считаться. На самом деле, при проведении демократии мы сталкивались с обычными уловками отдельных работников, которые мы достаточно изучили за те 9 лет, что мы сидим в ВЦСПС вашей волей. Так было при проведении оздоровления союзных финансов, так было в области осуществления демократии, так было при проведении постановления об отмене списочной системы выборов, когда списочная система внешне отменялась, а практически проводилась.

Наше внимание за этот период было направлено, и совершенно правильно, по линии, данной VI Всесоюзным С'ездом, на оздоровление союзных финансов, на их упорядочение, и здесь, в этой области, не всегда возможно было работать в бархатных перчатках, не всегда возможно было так работать, чтобы в борьбе с неряшливостью и разгильдяйством в области финансов никого не обидеть. Так работать невозможно, ибо если где-то кто-то не хочет считать, не умеет считать, считает по-старинке, допускает слишком много фантазий в области финансов, то его приходилось одергивать, приходилось сажать на свое место.

Опасность образования двух слоев в среде рабочего класса.

Культурный рост пролетариата, повышение его экономического уровня, это — такие факты, которые вряд ли требуют доказательств. Нами с полной ясностью был поставлен вопрос, вытекавший из бурного роста нашего хозяйства и наших профсоюзов, о приливе новых рабочих в производство, о необходимости приспособления союзной работы к двум фронтам. С одной стороны, — у нас старые основные пролетарские кадры, которые принимали участие в борьбе за диктатуру пролетариата с винтовкой в руках, которые голодали, защищая эту диктатуру, значительная часть которых прошла фронты гражданской войны, работала в продотрядах и т. п., которые с болью, с трудом, выносили на своих плечах все рабочее государство, поставили на ноги почти застывшую, замерзшую промышленность, двинули первое колесо. И с другой—новые слои молодых рабочих, которые ничего подобного не пережили, которые в эти героические периоды русской революции были либо ребятами, либо обитали где-нибудь в глуши, в провинции. Намечалась опасность, она могла создаться и она еще может создаться, опасность образования внутри единого рабочего класса двух слоев: одного — из культурно выросших, политически и классово сознательных рабочих, и другого — из молодых, революции не переживших, стоявших от нее в стороне, рабочих, для которых еще не ясен характер нашего государства, ибо не они его создавали. Для этого слоя не понятен характер нашей промышленности, ибо, придя на фабрику и завод, истории которых они не знали, которых они с винтовкой в руках не завоевывали, на которых они своей

первой организации не строили, — они рассматривают этот завод или фабрику исключительно как источник заработка на необходимые деревенские нужды. Для них государственный завод ничем не отличается от всякого другого частно-хозяйственного предприятия. Такова психология некоторых слоев новых рабочих, которых нельзя назвать отсталыми, ибо им не от чего было отставать; они — не отсталые, а, вернее, необученные, культурно не воспитанные, не доросшие еще до понимания общеклассовых задач пролетариата. Эта психология частью отразилась в процессе недавно пережитых нами дискуссий на тему, являются ли наши предприятия предприятиями социалистического типа, или же они—предприятия государственно-капиталистического типа, можем ли мы построить социализм в нашей стране, и т. д. Все это является в значительной части отражением психологии нового, из деревни пришедшего рабочего, истории революции не знавшего, ее не делавшего, характера нашей промышленности, характера нашего государства не понявшего и не усвоившего, рабочего, над которым нам предстоит проделать громадную работу.

Одной из наших заслуг следует признать постановку в порядок дня вопроса о том, чтобы приспособить союзную работу к удовлетворению растущих культурных потребностей основного кадра рабочего класса, подтягивая одновременно до его культурного уровня молодые, новые, вышедшие из деревни слои. Я прошу запомнить это положение, потому что мне придется еще в докладе несколько коснуться теории дифференциации профсоюзной работы, теории, из которой делают неправильные политические и организационные выводы.

Достижением за этот год следует признать полную и отчетливую постановку развертывания массовой экономработы, а нашим недостатком является то, что ВЦСПС допустил, как руководящий орган, — а он несет ответственность за все профдвижение, — ослабление внимания и энергии профсоюзов на другие виды экономической работы профсоюзов.

Оргработа.

Энергичная борьба с растратами и неряшливостью.

Проводя работу по оздоровлению союзных финансов, мы натолкнулись в процессе этой работы на безобразное явление, которое клало пятно на наше молодое, здоровое революционное профдвижение, — на растраты. Этому явлению нами была об'явлена жестокая и решительная борьба. Здесь надо сказать, что даже такая бесспорная, элементарная вещь, как борьба с растратами, требующая самых суровых мероприятий, конечно, не только одних репрессий, но и ряда мероприятий по всей союзной линии, в виде подтягивания отчетности, подтягивания руководящих работников, подтягивания ревизионных комиссий и непосредственной кары преступников, на первых шагах также вызвала некоторые недоумения и сомнения у целого ряда профработников.

Однако, оглядываясь назад и видя, что эта гнусная болезнь еще не изжита, а только пошла на убыль, мы должны признать, что линия суровой и жестокой борьбы с этим позорным явлением в нашем рабочем классе была правильна. Ее нужно продолжать, ее нужно вести еще более энергично, чтобы совсем, с корнем выкорчевать это явление. Когда вы сопоставите рабочий класс

СССР — героический рабочий класс, наиболее самоотверженный, своей кровью и величайщими страданиями доказавший свою искренность, свою классовую солидарность, свое величайшее пролетарское благородство; когда вы посмотрите на его революционные, интернациональные профсоюзы, которые имеют ряд величайших исторических заслуг, и которые являются и должны являться образцом истинно-классовой пролетарской организации для рабочих всего мира; когда вы с этим сопоставите такое гадкое явление, как растраты, — то вы поймете, как это недостойно, как это недопустимо именно для наших рабочих организаций, как это пятнает нас, и как эти люди, которых избирают на ответственные посты, не ценят того доверия, которое они получают; и позорят все движение!

Борьба с растратами должна продолжаться, должна расширяться. Здесь должна быть проявлена полная суровость к виновным. Пропагандистскую работу мы вели достаточно и будем вести в дальнейшем. Но эту борьбу нужно развернуть, расширить и в другую сторону. Все профорганизации должны вести борьбу не только с прямыми растратами, но и с неряшливостью, нечистоплотностью, с размашистостью, с самодурством в области финансовой политики, — я говорил это несколько раз. Люди с фантазией — очень ценные люди на всякой работе. Немножко фантазии украшает человека, и в каждую работу человек должен вносить элемент фантазии, но — кроме одной работы, кроме финансовой. Здесь никакой фантазии, пожалуйста! *(Смех)*.

Здесь самым строгим образом должна проводиться реальная политика, проза сегодняшнего дня: сколько получил — запиши, сколько отдал — запиши, как роздал —

запиши, отчитайся. Принимаешь деньги — считай. Не стесняйся проверять товарища, который расходует деньги. У нас, у революционеров, особенно у русских, есть такая замашка: ну, неудобно к хорошему человеку подходить с копейками, считать и т. д. Забывают, что демократия есть форма, предполагающая организованное, массовое недоверие. Демократия построена на том, что когда я тебя выбираю, я тебе доверяю, но когда я тебя выбрал — я тебя буду проверять. Демократия, построенная только на доверии, не есть демократия. Это — демократия навыворот: если выбрать — я тебя выбрал, а, что и как ты делаешь — я не буду проверять. Доверять я тебе доверяю, это я показал выборами, но дальше необходима проверка. Нам нужно признать за правило, что виноват не только тот, кто неправильно расходует средства, но и тот, кто рядом сидит и не видит, тот, кто не проверяет, кто этим делом не интересуется.

Финансовая политика.

Товарищи, я помню, что когда я выступал на широких рабочих собраниях, защищая новый курс профдвижения, и говорил, что финансовый вопрос становится основным, важнейшим вопросом, стержнем всей профсоюзной деятельности, тогда мною указывалось, что при новом курсе, при обсуждении финансового отчета нельзя сидеть и газеты читать, как это было при военном коммунизме: приходит человек, делает доклад о финансах, все разворачивают газеты, ибо никому не интересно. Да и на самом деле, какой интерес был в этом вопросе, когда деньги мы считали вагонами, — вагоном больше, вагоном меньше — все равно. *(Смех)*. О финансовой политике мы

тогда имели такое представление, что чем больше денег печатаем, тем больше мы подрываем доверие у широкого населения к денежным знакам, убиваем самый фетиш денег, и тем самым ведем практическую пропаганду ничтожности денежных знаков. Такая линия была; тогда главным и самым важным были сапоги и хлеб, а деньги никакой роли не играли. Теперь не так. Я уверен, что на этом с'езде наибольшую страстность вызовет вопрос — можно ли снимать денежные остатки у местных организаций или нельзя *(смех)*, и сколько надо платить. Вот это — самый важный вопрос. *(Смех).*

Я знаю, что и сейчас есть еще некоторые люди с фантазией, которые думают: ну, не чересчур ли это преувеличено — считать финансовую политику и финансовую деятельность профессиональных союзов важнейшим вопросом в союзной деятельности, не есть ли это чересчур упрощенный союзный материализм? Эти люди — немножко поэты, и поэтому они так рассуждают.

Выносите какие-угодно резолюции — и о развертывании клубной, и о развертывании массовой работы, и о пособии членам, и об отчетливой работе аппарата, делопроизводства, — но все это требует денег. Денег никто не даст, их нужно уметь получить от членов союза, правильно поставить это дело и экономно расходовать. Можно иметь хорошую принципиальную резолюцию по культработе, а вот если несчастной монеты не будет,— резолюция и останется резолюцией. Так и будем с резолюцией сидеть и читать ее время от времени, — и в этом будет заключаться вся наша культурно-просветительная работа *(смех)*, другой никакой не будет.

В свое время мне лично приходилось в своих выступлениях довольно зло высмеивать преждевременное стремление многих профорганизаций к созданию фондов, да еще бронированных, когда баланс-то у них был дефицитный. *(Смех).* Ухватились за хорошее слово «фонд» и начали строить фонды независимо от того, что не сводят концы с концами, имеют дефицит. Люди не понимают, что они делают. Если ты получаешь 40 руб., а живешь на 50, то какой же тут неприкосновенный фонд! Тебе нужно думать, где бы еще десятку достать, чтобы концы с концами свести *(смех)*, а фонд может себе позволить только тот, кто получает 60 руб., а живет на 50, — десятка остается. Вот как создается фонд. Теперь этот этап нашей финансовой политики уже пройден. Теперь мы перешагнули в высший этап профсоюзной деятельности в области финансов, мы перешли к активной финансовой помощи нашим членам во время безработицы, стали больше тратить на активную профсоюзную работу, возвращать членам союза их взносы в форме культурного обслуживания. И теперь можно поставить на ближайший период задачу перехода на более активную финансовую политику, т.-е. повести такую политику, чтобы член союза не только платил в союз, но и получал от союза в форме культурного обслуживания, помощь во время безработицы, а в дальнейшем, — я говорю, в дальнейшем, когда усилятся наши финансы, — и других видов помощь. И теперь мы одновременно подходим к вопросу о создании запасного фонда.

Ставился отдельными товарищами вопрос, — не пора ли нам уменьшить членский взнос. Президиум ВЦСПС думает, что это несвоевременно. Лучше и правильнее

будет, — это в интересах соблюдения правильных взаимоотношений с массами, — если мы вместо уменьшения членского взноса, что, несомненно, больно ударит по целому ряду профсоюзных организаций, поставим как следует культурно-просветительную деятельность профсоюзов, повысим ее качество и путем экономии на союзном аппарате, дальнейшем свертывании и удешевлении всей работы его, более правильного сбора членских взносов, подойдем к активизации профсоюзной работы. Поставить дело нужно так, чтобы то, что взяли, возвращать в форме непосредственной, прямой, понятной и ощутительной для члена союза. Взяли рубль — 50 копеек вернуть обратно. Это будет правильная и лучшая финансовая политика.

Секции.

Основным вопросом, стоящим перед нами, является: наиболее полное обслуживание масс, наиболее полное отражение их экономических, культурных и бытовых запросов, наиболее полная защита интересов рабочих масс. Отсюда — необходимость создания таких организационных форм и методов, которые бы отвечали этой цели.

Не раз приходилось говорить, и нелишне повторить еще раз, что самая лучшая резолюция, если она не сопровождается рядом организационных мероприятий, направленных к ее осуществлению, остается только резолюцией.

Наша задача и задача наших союзов, задача всего профессионального движения в данный момент и на ближайший отрезок времени, заключается в изучении, изыскании и проведении в жизнь таких мероприятий, которые наи-

более правильно поставили бы связь органов союзов с обслуживаемыми ими массами своих членов, наиболее полно отразили бы их производственные и бытовые особенности, вызвали бы внимательный подход к мелочам повседневной жизни рабочего. Если мы подойдем к этой задаче таким образом, то мы должны поставить вопрос, какой организационный метод мы должны применить для выполнения этой задачи.

На ваше рассмотрение по организационному вопросу предложен целый ряд мероприятий. Вы их будете рассматривать, будете обсуждать, и я, не касаясь всех их, коснусь только одного вопроса, который для некоторых товарищей не ясен и, повидимому, считается спорным. Это — вопрос о секциях.

Вот, если подходить к этому вопросу с точки зрения, только что мною изложенной, именно — какие организационные мероприятия должны быть приняты нами для наиболее полного и всестороннего обслуживания и отражения производственных и бытовых особенностей отдельных групп рабочих, приспособления к этим особенностям профессиональной работы; если так мы будем подходить к вопросу о секциях, то мы должны признать, — и это имеет решающее значение в этом вопросе, — что строение наших профессиональных союзов в настоящее время не всегда и не везде соответствует стоящим перед нами задачам. Принцип строения наших профессиональных союзов совершенно правильный, — производственный принцип, наиболее ярко и выпукло формулированный резолюцией, принятой II С'ездом Профсоюзов. Однако, в процессе развития нашей работы, мы расширяли и усложняли положения, данные II С'ездом, переходя постепенно от фор-

мулы: «одно предприятие — один союз» к формуле: «один хозорган — один союз». Это уже сказалось в решениях III С'езда, а затем особенно ярко формулировал это IV С'езд Профсоюзов, который, исходя из стоявших тогда перед профсоюзами задач непосредственного участия в управлении производством, пришел к необходимости приспособления всей сети профсоюзных организаций к построению хозяйственных органов. Руководствуясь этим принципом и исходя из него, происходило об'единение в большие единые союзы ряда самостоятельных производственных союзов. Есть ли здесь нарушение принципа производственных союзов? Ни в какой степени. Производственные союзы в интересах выполнения той или иной задачи, в интересах рабочего класса, наконец, в интересах усиления, концентрации сил и средств, могут об'единяться в один союз. Абсолютно правильно.

Как мы тогда смотрели на секции? 1918 год у нас явился годом напряженной борьбы с цеховщиной, годом строительства производственных союзов, 1919 и 1920 годы были продолжением и завершением этой работы. Главная опасность была в цеховщине, в цеховой обособленности, в цеховых предрассудках. Проведя работу по слиянию отдельных обособленных цеховых профсоюзов, мы, как уступку цеховой отсталости и ограниченности, создавали как промежуточную форму к единому союзу — секции. Мы рассматривали эти секции, как последнюю переходную форму от цеховщины к производственному союзу. Я думаю, что когда-нибудь историк профдвижения займется и опишет великий с'езд железнодорожников, на котором происходило об'единение всех многочисленных цеховых союзов рабочих жел. дорог в один союз. Может

быть, будут изданы стенографические отчеты работ организационной комиссии этого с'езда. Это будет очень поучительно. В ее работе отразилась вся цеховщина, существовавшая в то время. Тогда при общем недоверии одной группы к другой мы выдвигали секции, как переходную форму от цеховщины к об'единенному производственному союзу, как последнюю уступку цеховой ограниченности.

Как тогда обставлялись эти секции? Они обставлялись таким образом, чтобы эти секции как можно скорее умерли. Не было у секций права иметь свою печать и бланки; не было права иметь свою кассу; не имели права самостоятельно выступать на собраниях. Между тем, в то время при наличии опасностей цеховых предрассудков. вопрос о печати имел очень большое принципиальное значение, и тогда касса, как бы она ни была ограничена, была знаменем самостоятельности и независимости. В то время, в такой промежуточной форме, секция вместо слияния таила в себе опасность отрыва и обратного отхода той или иной группы рабочих от союза.

Но время шло, союзы росли. Некоторые наши союзы насчитывают около миллиона, а некоторые и больше миллиона членов в одном союзе, причем некоторые организационные формы об'единения не совсем подходят к новым задачам профсоюзов, которые заставляют профсоюзы усилить и максимально развернуть свою работу в массах. Попробуйте при таком притоке членов, какой мы имели за два года, когда приняли в союз свыше 2 милл. членов, во-время хотя бы одни книжки раздать; а ведь, кроме того, всех новых членов надо записать, надо обслужить, втянуть их в культурном отношении в основное, чрезвы-

чайно культурно выросшее, ядро рабочих. Это — очень большая задача, она требует чрезвычайной внимательности и знания особенностей всех производственных условий. Поэтому союзы, которые в свое время были хороши, союзы так называемого амальгамированного типа, которые об'единяли в своих недрах несколько производств, теперь порой имеют большие противоречия при разрешении задач, стоящих в их практической работе.

Чтобы не быть голословным, я приведу вам несколько примеров, — возьмем такие союзы, как: транспортников, пищевиков, химиков. Химики и пищевики являются типом, говоря по-европейски, амальгамированных союзов, где рабочие разных производств об'единены в один союз. В свое время смеялись над тем, что химики претендовали на то, чтобы об'единять в своих рамках все производства, где что-нибудь греется, охлаждается, шипит или кипит... *(Смех).* А потому резиновое производство, химическая промышленность, нефте-перегонные заводы, выработка стекла и фарфора,—все эти самостоятельные группы производств, все входит в рамки одного союза, яко бы потому, что это — в своем процессе однородные производства, хотя в основу строительства мы кладем не формы, а виды производства. Химики построены по типу производства, пищевики построены на основе назначения продуктов и об'единяют производства, которые занимаются выработкой предметов еды, питья и куренья. Тоже своеобразный принцип! Другие союзы об'единены по материалам, третьи — по назначению продуктов, но в основе все союзы строились по типу: одно предприятие — один союз. Исключения мы допускали для секции инженеров и еще для некоторых групп.

Но что вытекает из создания секций? Последует ли отсюда разделение союза на секционные части, расслоение союза? Я думаю, что этого не последует. Этого не последует потому, что большой союз, по существу дешевый союз в смысле управления, в смысле обслуживания. Отсюда не следует мощный союз дробить на мелкие союзы.

Может быть, дробление союзов было бы правильно и целесообразно, если бы у нас в стране было много больших городов типа Москвы и Ленинграда или крупных промышленных кустов, как, например, Московская промышленная область; тогда бы мог встать вопрос о разделении союзов. Но у нас, за исключением нескольких промышленных районов, в основном небольшие количества членов разбросаны кучками на одной шестой части света. И даже мощные союзы имеют крупные группы только в Москве, Ленинграде, Харькове, Донбассе, в Нижнем и в Иваново-Вознесенске, а в остальных местах, в мелких городах, и сейчас большие мощные союзы об'единяют в губотделах 200—400 членов, среди которых об'единены разнородные производства в один союз. Несомненно, что деление союза знаменовало бы собой ослабление союзной деятельности, ослабление, в первую очередь, финансовой стороны дела, а затем и всякой другой.

Вот почему, не идя на разделение, следует, однако, в интересах приспособления организационных форм союза к обслуживанию интересов своих членов снова поставить вопрос о секциях, но поставить под другим углом зрения. Необходимо перестать смотреть на секцию, как на уступку, как на кость, брошенную цеховым предрассудкам.

Необходимо по-новому подойти к секции, как к инструменту для наиболее полного удовлетворения и обслуживания интересов членов союза. Я могу вам привести ряд примеров. Возьмем не плохой союз — союз пищевиков. Любой председатель, любой президиум этого союза, стоящий во главе об'единения самых разнородных групп, может ли он одинаково отражать интересы рабочих спирто-очистительной промышленности и интересы рабочих на рыбных промыслах в Астрахани? Я сомневаюсь, чтобы в каждый данный момент он мог это сделать. Несомненно, в разное время, какая-нибудь группа будет превалировать и отвлекать его внимание; и, в то время, когда внимание будет обращено на спирто-очистительные заводы, будут забыты рыбаки в Астрахани; а когда, благодаря какому-нибудь конфликту привлекут на себя внимание астраханские рыбаки, тогда забудутся крахмально-паточные заводы. Вот для того, чтобы ни на один момент не забывались интересы этих своеобразных производственных групп в недрах одного союза, для этого и нужно переходить к секциям.

Мы не предлагаем С'езду вынести какое-то такое решение, которое бы обязывало, приказывало и т. д., но мы должны признать целесообразным, должны признать полезным сделать это по усмотрению отдельных с'ездов производственных союзов под общим наблюдением ВЦСПС.

Несомненно, здесь будут возражения, которые раздавались уже на ленинградском с'езде, что, может быть, это несвоевременно, или опасно, не поведет ли это к тому, что союзы разорвутся. Что касается несвоевременности,

то такой довод всегда проводят, когда мы подходим к чему-либо новому. Говорили — «несвоевременно» — когда мы вводили добровольное членство, «несвоевременно», когда мы вводили индивидуальное членство. Говорили — «несвоевременно», когда мы вводили какие-нибудь мероприятия, которые шли вперед, тащили из канцелярий, заставляли думать, искать новые формы, заставляли беспокоиться, потому что не упрощали, а усложняли работу. В период военного коммунизма работа была самая простая: поднял телефонную трубку и сказал: «Приказываю тебе делать то-то». Тот, кому приказали, тоже поднимал трубку и говорил: «Приказываю в свою очередь...» Рассуждений особенных не было. Настолько не было, что и методы воздействия были довольно просты. В свое время в Президиуме ВЦСПС был выдвинут вопрос, — правда, он был отвергнут, — предоставить право председателю ВЦСПС сажать под арест, на два месяца, председателя ЦК союза, дать право председателю ЦК союза сажать председателей губотделов, председателям губотделов — сажать председателей фабзавкомов. И только, по этому проекту, председатель фабзавкома был лишен такого права, ему, бедному, некого было сажать. Конечно, это — самая простая система работы. Но методы профработы далеко не являются самыми простыми. По-моему, они самые трудные. Тут нужно уметь убеждать, тут нужно уметь руководить, приспособлять работу к массовой работе, считаться с бытовыми и производственными особенностями и т. д. Конечно, секции усложнят работу, в этом нет сомнения, но это усложнение будет способствовать выполнению основной профсоюзной задачи — наиболее полного обслуживания масс, наиболее чуткого отношения

к их потребностям и запросам. Вот как ставится вопрос.

Я утверждаю, — и никто не докажет обратного, — что секции способствуют этой основной задаче. Говорят: «опасность есть», ибо, если неправильно раскалывать и разделять союзы, то секции могут привести к тому, что союзы сами разделятся. Не скрою перед С'ездом: да, мы считаем, что секции могут способствовать разделению одного союза на несколько, такая тенденция теоретически может быть. Но, товарищи, если мы с вами сумели из цеховых союзов создать мощное производственное классовое об'единение, вопреки всем цеховым предрассудкам, так неужели же теперь кто-нибудь станет серьезно утверждать, что цеховые предрассудки живы, сильны, имеют корни, и что теперь мы с ними не справимся? Справимся, этого бояться нечего.

Но я скажу прямо: если бы передо мной стоял вопрос, и требовалось бы решение такой задачи — секция есть инструмент, наиболее полно отвечающий разрешению тех задач, которые стоят сейчас перед профсоюзами в области обслуживания масс, но они могут повести к разделению союзов, к измельчанию союзов, — что выбирать? Я выбрал бы первое; я выбрал бы задачу наиболее полного обслуживания масс, наиболее глубокой связи между органами союза и массами, не побоявшись, что это таит в себе угрозы раздробления. При условии правильного руководства, возрождение мелких союзов предотвратимо. Если бы мы увидели, что образовалась тенденция к раздроблению союза, мы в каждом отдельном случае решили бы — полезно это или вредно. Само по себе это вреда не представляет; опасность начинается тогда, когда внутри

одного предприятия создается несколько союзов. Вот где заключается опасность.

Централизм и дисциплина.

Одной из основных задач, стоящих сейчас перед рабочим классом, является задача концентрации, сплочения пролетарских сил идейно и организационно. Единство внутри рабочего класса, единство внутри его профсоюзов, единство линии и единство политики. Эта задача диктуется той обстановкой и теми обстоятельствами, которые вы слышали вчера в речи тов. Бухарина, и в резолюции XIV с'езда ВКП о профсоюзах, и в резолюции XV Конференции ВКП. Элементы, враждебные рабочему классу, пробуждаются, пытаются организоваться; кулак, нэпман пытаются и будут пытаться оказывать свое воздействие на рабочее государство. Пытаются и будут пытаться некоторые буржуазные слои воздействовать и давить на рабочий класс. Мы целиком согласны с этим, но целиком согласны и с тем, что впадать в панику, плакать и кричать — «кулак идет, кулак идет!», не приходится. Основная задача, стоящая перед профсоюзами, — бо̀льшее сплочение, бо̀льшая концентрация своих сил, бо̀льшая работа над культурным воспитанием рабочих. Вот задача. В свете этой задачи мы должны разрешить целый ряд вопросов.

Общая наша линия должна продолжаться на бо̀льшую самодеятельность на местах, больше самодеятельности местным организациям. Поменьше опеки, поменьше предписаний, поменьше циркулярных распоряжений, но все это при необходимом соблюдении единства линии профдвижения, при сохранении стройности и централизации

профдвижения. И здесь, в свете этого вопроса, я не могу пройти мимо статьи тов. Кроля [1]). Вы будете обсуждать этот момент при рассмотрении организационного вопроса и, вероятно, т. Кроль внесет свои предложения. Тов. Кроль предлагает такую систему: ВЦСПС выносит постановления, которые ни для кого не являются обязательными и которые сперва будут обсуждаться, а потом, как одобренные, будут внесены на с'езд, на пленумы соответствующих ЦК союзов, и по мере санкционирования этих предложений соответствующими организациями, они будут осуществляться в жизни. Кроль делает оговорку: это относится к межсоюзным организациям, и к ЦК, при чем в меньшей степени к ЦК. Я думаю, что эта линия — неправильная линия. К чему привела бы она? Она привела бы, примерно, к следующему. В январе 1925 года мы установили факт, что внутри профдвижения имеется опасное явление — растраты. Вот мы выработали бы циркулярное постановление и передали бы его на рассмотрение. Что из этого вышло бы? Я утверждаю, что мы оздоровление финансов ряда межсоюзных организаций и ряда ЦК провели жестокими решениями. Правильно ли мы это делали или неправильно? По теории тов. Кроля, мы не имели права это делать. А мы утверждаем, что это правильно! Не будем здесь играть в прятки, скажем прямо, что имеется централизация профдвижения. Мы ни от кого не скроем, что профдвижение руководилось, руководится и будет руководиться партией ВКП, партией рабочего класса. Правильно это или нет? Правильно. Как осуществляется это руководство? Оно осуществляется централизованным путем. А ваша система — это полная децентрализация.

---

1) Речь идет о статье С. Кроля „Заметки к VII С'езду" Газ. „Труд", № 268 от 19/XI 1926 г.

При наличии национальных, республиканских выборных организаций, это несет в себе зародыш дальнейших уклончиков на пути к федерализму профдвижения. Пусть товарищи прямо ответят, правильно ли это, хотят или не хотят итти по пути к федерализму. Это противоречит основной политической задаче, стоящей перед рабочим классом. Больше единства в политике, поменьше опеки, поменьше вмешательства в мелочи практической работы. Если вы будете подходить к оценке деятельности ВЦСПС, исходя именно из этих принципов, то это поведет к такой постановке вопроса, о которой я говорю.

Укажите на примерах, когда неправильно вмешивался ВЦСПС, когда он дергал людей по пустякам, когда его одергивания были вредны для интересов дела, когда они были против рабочей демократии. Если вы назовете такие факты, то С'езд будет прав, если он за это даст нам выговор и указания. Мы охотно исправим и устраним свои ошибки в будущем. Но не ставьте вопросов принципиально. Я повторяю, что при наличи выборных областных организаций, при наличии национальных выборных организаций — проведение в жизнь предложений тов. Кроля должно повести и поведет к федерализму профдвижения. Что такое федерализм? Федерализм, это есть не что иное, как самостоятельная касса!? Центр-то у нас общий, центр может нам предлагать, а мы — обсудить: принять или нет. Центр предлагает ту или другую линию, а места обсуждают, приемлема ли эта линия или нет.

Тов. Кроль один из недурных практиков нашего профдвижения, тов. Кроля я считаю грамотнейшим профессионалистом, — как же он мог дойти до таких вещей? Это — знамение времени. Я утверждаю, что одной из причин

поражения горняков в Англии был федерализм, а вы хотите нам на десятом году революции ввести такие принципы. К тому, что говорит тов. Кроль, не хватает одного—«и самостоятельные финансы», т.-е. таким образом: сколько полагается—возьмите, а с остальными,—что хочу, то и делаю, ни копейки не тронь. Вы хотите определить права и функции ВЦСПС? Я — не против, я — за уточнение. Возьмите положение о ВЦСПС, принятое Первым С'ездом. Там целый ряд его функций—«содействует», «рекомендует», «представительствует», и нигде нет слова «руководит». Из «содействует» мы сделали—«руководит». Это обеспечивает единство и крепость нашего профдвижения, единство его политики, единство в его рядах и стройность организационного построения. Поменьше мелочной опеки — правильно! Мы по этому пути идем, но если вы будете путаться в так. наз. «общих принципах», предлагая нам нечто вроде референдума, то это поведет ни к чему другому, как к дифференциации профдвижения, к федерализму.

Национальный вопрос.

Это ведет к федерализму. Под углом зрения основной задачи сплочения сил рабочего класса, необходимости обеспечения единства в его рядах, следует подходить при определении национальной политики внутри рабочего класса, внутри его профсоюзов. Нужно твердо и ясно понять, что национальное неравенство ведет к национальной розни, национальная рознь ведет к национальной вражде. Национального неравенства не может быть в рядах рабочего класса. На этом пути у нас имеются большие опасности. У нас имеется первая опасность, вы-

текающая из старого господствующего положения, которое великорусская национальность занимала при царе. Великорусская национальность была символом угнетения, национального давления. Великорусский шовинизм еще жив, он время от времени пробивается в той или иной форме и иногда национальный вопрос скрывается за производственными вопросами. Я говорю о тех привилегиях, которые захватывают порой себе русские рабочие в отдельных, мелких национальных областях и республиках, под видом привилегии квалифицированных рабочих, а не как рабочих великороссов, — против этого нужно бороться, как против попыток отдалиться от масс. Вторая опасность, когда перегибают палку в другую сторону, когда пытаются на почве национальной политики стричь всех под одну гребенку, забывая то, что такая политика равнения всех по одной национальности ничем не отличается от старого вида великорусского шовинизма. В чем вред великорусского шовинизма? В чем его отрицательные, отвратительные черты? В том, что он каждую национальность, кроме великорусской, обезличивал; с ней не считался, считал недостойной внимания, вел обрусительную политику в Польше, Украине и т. д. Если теперь в отдельных национальных республиках проявляются уклоны в таком направлении, чтобы всех рабочих учить говорить на одном языке, чтобы все собрания вести на том же языке, то эта политика ничем не отличается от национальной великодержавной политики. Обязанность нашей работы — не забывать основного единства в рабочем классе. Это единство можно обеспечить в области национального вопроса, только на основе национального равенства, национального равноправия, считаясь одинаково со всякой нацио-

нальностью, обеспечивая более или менее солидному национальному ядру рабочих право работать, право жить, право учить детей на его родном языке.

Тарифно-экономическая работа.

Политика ВКП (б) и профсоюзов в области зарплаты.

В области политики заработной платы наша линия наиболее отчетливо выразилась на XV партконференции. Я очень кратко повторю основу этой политики, которая заключается в том, что у пролетариата, у его представителей-коммунистов, наиболее полных выразителей идеалов рабочего класса и честных деятелей рабочего движения, в области заработной платы и защиты экономических интересов рабочих, политика в обстановке диктатуры пролетариата, резко отличается от политики в обстановке буржуазного капиталистического государства. В буржуазном государстве буржуазия заинтересована в капиталистическом накоплении, в стабилизации капитализма. Рабочий класс в этом накоплении не заинтересован, и в стабилизации капитализма, как системы эксплоатации и угнетения человека человеком, не заинтересован. Хозяин заинтересован в накоплении, в сбережении этого накопления, рабочий класс против этих накоплений. В обстановке диктатуры пролетариата, в социалистическом накоплении никто не заинтересован, кроме рабочего класса и идущего за ним крестьянства. Рабочий класс сам является тем хозяином, который заинтересован в своем накоплении, ибо это социалистическое накопление обеспечивает дальнейшее развертывание производительных сил, которые служат ему, рабочему классу, и которые

направлены на укрепление его классовой мощи. Отсюда различный подход к вопросу о заработной плате. В Западной Европе — в буржуазных странах — коммунист целиком и полностью всегда обязан поддержать всякие требования рабочих, направленные на улучшение их экономического положения. Коммунист всегда обязан выступать и быть застрельщиком в вопросе повышения зарплаты, независимо от тех условий, в которых находится предприятие и хозяйство. В обстановке диктатуры пролетариата коммунист не может так рассуждать. Ни один член правительственной партии, ни один сознательный член класса пролетариев — наемных рабочих, когда его класс стоит у власти и осуществляет диктатуру, не может так рассуждать. Здесь интересы сегодняшнего дня должны быть подчинены общим классовым интересам завтрашнего дня и ближайшего отрезка времени. Тот или иной момент, то или иное экономическое требование и пожелание должны сочетаться с основным темпом развития производительных сил страны, с темпом социалистического накопления. Вот почему, товарищи, когда в июле этого года был выдвинут лозунг, который сводился к тому, чтобы поднять реальную зарплату рабочих, [1]) никто из ВЦСПС этого лозунга не поддержал. ВЦСПС этого лозунга не мог поддержать, ибо, что мы видели весною? Весною мы видели повышение товарного индекса, товары дорожали; а, следовательно, не вдаваясь в глубокий экономический анализ, внешне — червонец обесценивался. Что при этих условиях знаменовал собою лозунг сохра-

---

[1]) Здесь автор имеет в виду декларативное заявление оппозиции на пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в июле 1926 г. о гарантиях сохранения и повышения реальной заработной платы.

нения реальной заработной платы? Для нас, профессионалистов, это — очень ясная вещь. Это значит — сосчитай повышение индекса, рост товарного рубля и скажи: отныне платите заработную плату в товарных рублях. А это значит — официальное признание не только падения червонца, но и того, что он прогрессивно падает, скользит, что он идет по наклонной плоскости и обречен на обесценивание. Это значит — отказаться от системы твердой валюты и перейти к скользящей валюте. Не только каждый профессионалист, но и каждый рабочий помнит, во что нам обходилась эта скользящая валюта, каких трудов и жертв нам стоил переход к твердой валюте. Несмотря на то, что этот переход был сопряжен с известной потерей в заработке на первое время, рабочие приветствовали этот переход. Товарищи, могли ли мы рисковать и можем ли мы позволить кому-нибудь баловаться и играть такими вопросами? Мы не могли отнестись к этому предложению сколько-нибудь серьезно, ибо за ним была полная безответственность. Мы должны сказать рабочему классу, что вся история развития заработной платы рабочего шла у нас почти от нуля. Ведь в 1920 и 1921 г.г. мы пошли от чрезвычайно низкой, фактически натуральной заработной платы: когда давали по полфунта хлеба в день, то это было хорошо, ибо на дензнаки с миллионами ничего нельзя было купить. Когда развитие заработной платы при нэп'е пошло вперед, она росла непомерно быстро, ибо если человек получает реальную заработную плату — полфунта в день, а ты ему даешь фунт, то это повышение заработной платы на 100%. А в денежном выражении это — повышение заработной платы на 4—5 коп. в день. Продолжу реальное сравнение: когда

человек получает уже 60 пуд. хлеба в месяц и ему прибавить фунт в день, то это пустяки, ничтожная прибавка.

Темп роста заработной платы в дальнейшем по мере роста улучшения экономического положения рабочих будет несколько замедлен в связи с тем, что перспектив дальнейшего быстрого развития пропорционально производительным силам нет. Это заставляет нас в ближайшее время обратить все наше внимание на обеспечение реальной заработной платы другими путями, другими методами, но не голым заявлением о сохранении реальной заработной платы во что бы то ни стало. Я здесь не буду развивать этого вопроса, он будет развит по другому пункту порядка дня, — наше внимание должно быть заострено и обращено на работу кооперации.

Направление нашей тарифной политики в отношении повышения заработной платы рабочих должно итти по линии выравнивания заработной платы, с одной стороны, между отсталыми в заработной плате работниками отдельных производств и отраслей хозяйства, с другой стороны — внутри самого рабочего класса в направлении выравнивания несоответственно разбежавшейся разницы между зарплатой квалифицированного и зарплатой простого, неквалифицированного рабочего. На самом деле, когда к нам приезжают иностранцы, то их больше всего удивляет то обстоятельство, что в обстановке диктатуры пролетариата в наших революционных союзах, при нашем влиянии, разница у нас между оплатой квалифицированного рабочего и неквалифицированного рабочего существует в таких колоссальных размерах, каких нет в Западной Европе. Конечно, это об'ясняется многими причинами, коротко говоря, одна из причин заключается в том, что

у нас еще слишком отстала техника, слишком большую роль еще играет личное искусство, ремесленные навыки и т. д., слишком мало еще применяются автоматические станки, упрощающие труд рабочего, переводящие к автоматическим приемам. Но об'яснение, это — одно, а элементарная классовая справедливость—другое. Мы должны итти в направлении смягчения разрыва в заработке между квалифицированным и простым рабочим.

Методы регулирования зарплаты.

Методы регулирования зарплаты в разное время применялись нами различные, но мы никогда не отказывались от регулирования зарплаты. В первый период, в период военного коммунизма, мы применяли государственное нормирование зарплаты, мы применяли его впервые в мире в таком большом масштабе, так отчетливо. И теперь, когда часто говорят по тому или иному поводу, что мы возвращаемся к госнормированию и т. д., и т. п., следует установить, — что же такое госнормирование зарплаты? Госнормирование зарплаты является такой системой регулирования зарплаты, при которой силой государственной власти, авторитетом ее, законом или декретом, обязательным для всех, устанавливаются точные нормы зарплаты для каждого отдельного работника. Грубо говоря, это означает: «не ниже этого и не выше этого — ровно столько-то плати». Вот что такое госнормирование.

После госнормирования, с переходом к нэп'у, мы не отказались от нормирования зарплаты, мы только перешли к нормированию зарплаты директивными методами. Мы говорили: горнякам можно повышать, добивайтесь повышения зарплаты; железнодорожникам можно — идите

вперед; пищевики — подождите. Это есть директивный метод нормирования зарплаты. А регулирование было? Было, но это не госнормирование, а директивное регулирование зарплаты. Когда к нам приходили служащие и говорили — поддержите повышение, мы им отвечали: нет, вы ушли вперед, мы вас не поддержим. Поддержим горняков и металлистов, потому что они отстали.

Проведенная в последнее время в централизованном порядке прибавка зарплаты снова подняла вопрос о том, что мы идем к госнормированию. У многих профессионалистов по этому вопросу мало-мало спутались мозги. Правильно ли, что мы идем назад к государственному нормированию зарплаты? Нет, неправильно. Здесь имеется централизованная прибавка и тем самым — регулирование зарплаты. Это является, по существу, плановым регулированием зарплаты, плановым повышением ее путем повышения отдельным производствам. Идет плановое и централизованное выравнивание зарплаты. Правильно ли это или неправильно? Для этого нужно посмотреть, чем является регулирование, какую роль вообще занимает зарплата в общей системе социалистического хозяйства.

Основной предпосылкой социалистического хозяйства является необходимость и неизбежность плановости в этом хозяйстве. Без плана, без планирования немыслимо никакое строительство социализма. Будут пустые разговоры. А можно ли планировать народное хозяйство, можно ли, действительно, по плану сознательно руководить социалистическим хозяйством, не учитывая основного элемента плана — зарплаты рабочим? Нельзя, потому что зарплата является одной из важнейших статей расхода. И можем ли мы, признавая необходимость плана

и планового строительства, выбросить из этого плана такой элемент, как зарплата рабочим? Нельзя. Тот, кто попытался бы, учитывая расходы на сырье, на капитальное строительство, расходы на топливо, оставить невыясненным вопрос, сколько придется платить в этом году рабочим, тот с планом провалился бы. Нужно было бы каждые 3 месяца пересматривать план и снова строить его. Мы и так здесь порой грешим, делаем большие ошибки. Это неизбежно, пока мы не научились как следует планировать, не поставили правильного и точного учета по отдельным отраслям промышленности, не поставили правильно вопросы калькуляции и отчетности. Но выбросить из основ планирования элементы зарплаты — значит отказаться от всего плана. Отсюда вытекает необходимость плановости в вопросе повышения зарплаты. Я подчеркиваю — повышения зарплаты, — о понижении не может быть и речи.

Что такое плановость? Можно ли планировать нецентрализованно? Можно ли строить социалистическое хозяйство по плану, если Рязань для себя будет выполнять свой план, Харьков—свой, Свердловск—свой и т. д. Никакого плана не выйдет. План предполагает непременно централизованность, общий план есть увязка, согласованность местных интересов. Отсюда вытекает централизованное, плановое повышение зарплаты. Это — госнормирование? Нет, госнормирования здесь нет, и нового тут, по существу, ничего не предлагается. Предлагается только смотреть на это открытыми глазами и соответственно этому приспособить всю свою тарифную политику. Мне приходилось слышать возражения, что это неправильно, что это — шаг назад, к госнормированию. Как на один

из доводов указывалось на то, что тогда нам делать нечего в области тарифной работы, коллективный договор, дескать, идет на смарку.

Коллективный договор.

Остановимся на этих возражениях. Действительно ли колдоговор идет на смарку при системе планового централизованного повышения зарплаты? Нет, если мы оставляем целиком и полностью необходимость выравнивания зарплаты отдельных отраслей производства. Это же бесспорно. Бесспорна необходимость выравнять зарплату в отсталых отраслях промышленности, подравнять, подтянуть ее. Как же это возможно сделать без централизованного, планового повышения зарплаты? Можно ли передать этот вопрос свободной игре стихии и договорных соотношений, при разности экономического положения отдельных производственных единиц, отдельных трестов и даже отдельных хозяйств? Мы на V С'езде Профсоюзов говорили: «наша система зарплаты, все повышение зарплаты должны исходить из учета экономического положения данного предприятия, данной отрасли промышленности, ее роли в общей системе народного хозяйства и всего состояния народного хозяйства». Можно ли выравнять зарплату, подтянуть ее до вперед ушедших отраслей промышленности не в централизованном порядке? Нельзя. Кто этого не понимает, тот ничего не понимает, ибо не потому горная промышленная и металлургия убыточны, что они убыточны по своему существу, а по целому ряду условий. Они убыточны, потому что они требуют большего вложения капиталов, больше капитальных затрат, больше подверглись разрушению, работают в условиях нормиро-

ванных цен на металл и уголь, устанавливаемых государством. Им не позволяют на рынке диктовать те цены, какие им нужны. В первую очередь, установлению рыночных цен со стороны государства подвергаются металл и уголь.

Как же можно провести повышение заработной платы и ее регулирование не в централизованном порядке? И если мы признаем вторую задачу — более справедливое выравнивание заработной платы между отдельными группами рабочих, то вот это выравнивание должно явиться результатом местной работы и колдоговоров. Централизованное повышение заработной платы не определяет вовсе того, что, допустим, забойщик должен получать столько-то процентов надбавки, а другой рабочий столько-то; оно дает лишь общий принцип и общие указания, оно говорит: горная промышленность повышает зарплату в целом на 9 %, металлургическая — на 5 % и т. д., а как распределяется внутри металлопромышленности, это — дело ЦК союза, а как на предприятии распределить полученную из центра прибавку таким образом, чтобы проводить политику уравнения зарплаты, правильно распределить и правильно провести линию, это — дело мест, это — дело колдоговоров.

Мы часто говорим: тариф, колдоговор, но не отдаем себе отчетливого представления, в чем суть строения и структуры этого самого колдоговора, из чего он состоит. Составные части колдоговора такие: первая — правовая, вторая часть — тарифная, которая, в свою очередь, состоит из трех частей, или параллельных линий. Первая линия — квалификация, где говорится: допустим, ты — рабочий, слесарь-инструментальщик, это определяет твои

обязанности и какие ты должен иметь качества для того, чтобы этой номенклатуре соответствовать. Вторая линейка тарифа говорит: поэтому разряд тебе такой-то, и ставка тебе 3 руб. в день. А третья линейка — нормирование — она говорит: и за это ты должен по этой ставке сделать то-то и то-то по норме.

По первым двум линейкам у нас дело обстоит более или менее хорошо; правда, еще кое-что нужно поправить; много придется поработать, но все-таки госнормирование зарплаты дало нам колоссальный опыт. Оно заставило нас заняться квалификационной работой. В этом направлении работа проделана большая, может быть, кое-где еще сырая и недостаточно отчетливая, но все-же в этой части работа поставлена довольно хорошо. Но вот в области нормирования у нас слабо, за отдельными исключениями, у нас нет сколько-нибудь научного, по-деловому серьезно поставленного нормирования труда. Тут вина и профсоюзов, и хозорганов, последние имеют специальный орган ТНБ, а в то же время, в 1926 г., на ряде фабрик и заводов расценка назначается «на глазок» мастера, а не по-научному и не по проектам ТНБ.

На какой почве происходило у нас за последнее время большинство конфликтов и проявление недовольства рабочих? На почве нормирования, на почве сдельных расценок, что одно и то же. Подошли ли мы сейчас хоть сколько-нибудь к серьезному изучению этого вопроса? Нет, за отдельными исключениями в этой области у нас дело обстоит плохо.

Кое-что в этом отношении сделано у текстилей, но по другим отраслям производства дело тут обстоит явно неудовлетворительно. Я утверждаю, что большинство кон-

фликтов за истекший год было вызвано неправильным нормированием, или неправильным назначением сдельных расценок. Поэтому центр нашего внимания должен быть перенесен в область нормирования, и здесь мы вместе с хозорганами через свои РКК должны повести самую энергичную работу.

Тарифная сетка.

Теперь о сетке. Мы, несомненно, подошли к централизованному нормированию зарплаты государственных служащих, которое уже в большой степени действительно является государственным нормированием. Политику, которую мы проводили между VI и VII С'ездами (ваше дело сказать, — правильна она или неправильна), мы считаем правильной, потому что мы представляем себе так, что система нормирования по штатам каждого учреждения и установление ставки, соответствующей каждому штату, действительно может дать возможность бороться с теми безобразием и вакханалией в области зарплаты служащим, которую мы наблюдали, особенно в центре.

Когда здесь, в союзе совторгслужащих, часть московских и ленинградских служащих жалуется на то, что их союз и профсоюзы в целом плохо защищают их интересы, то они забывают о служащих в провинции. Большего неравенства среди служащих, как внутри этого союза, нет нигде. Разница между московскими служащими и служащими провинции — уездов и волостей, — колоссальна. В провинции — нищенская зарплата, а здесь, особенно в коммерческих учреждениях, большая, непомерно раздутая, со всякими привилегиями. Это вполне понятно: чем ближе к солнцу, тем теплее. Одно дело — тот, кто

стоит ближе к источнику власти, ближе к тому, кто держит кошелек на его глазах, кто работает в центральных учреждениях, и другое дело — отвлеченный служащий, которого ты не видишь. Тому человеку, который сидит у нас на виду и плачет, что ему плохо живется, мы всегда больше сочувствуем, чем отвлеченному, собирательному типу, которого не видно. Вот откуда вытекает психологическая предпосылка для привилегированного положения московских и ленинградских служащих.

Вот почему я утверждаю, что мы берем правильную линию в вопросах заработной платы, ибо если будет существовать такая разница между служащими столиц и провинций, если центральный аппарат будет с'едать неимоверно большую долю доходов предприятия, то от этого будут страдать не только рабочие, но будет страдать и весь государственный бюджет. От этого страдает бюджет служащих в провинции.

Я утверждаю, что правильным подходом к реорганизации госаппарата является штатная система, которая действительно даст возможность РКИ контролировать и следить за правильным распределением зарплаты при штатном регулировании аппарата госучреждений.

Поскольку у нас сейчас служащие часто выходят из сетки, постольку при проведении правильного распределения фонда заработной платы и в результате этого распределения нам придется расширить эту практику. Вопрос о сетке для специалистов в основе решен, дело заключается в деталях, в моментах введения в жизнь. Теперь у нас выходит из сетки вторая категория — технический персонал предприятий. Таким образом, при дальнейшем развитии нашей работы в этом направлении с е т к а в с я

превращается в рабочую сетку. Спорным является вопрос, нужно ли выделять учеников в отдельную сетку или оставить в общей, и затем, нужна ли единая сетка для всех производств.

Я думаю, что мы не должны предаваться чарам слов. Когда мы говорим — единая сетка, единая система, то мы должны подходить так: единая-то ты — единая, но хороша ты или нет? Вот как нужно ценить. Сетка может быть единая, но может быть плохая. А может быть не единая и хорошая. Этим словом — «единая» часто щеголяют. Всегда нужно ко всякому красивому слову относиться критически. Вопрос о том, должна ли у нас существовать единая сетка, или мы можем, в этом отношении, допустить ряд особенностей для отдельных производств, — должен решить С'езд и его тарифная секция.

В области тарифной работы нам нужно обратить внимание на то положение, которое создалось в последнее время.

Рассмотрение конфликтов.

В последнее время у нас произошла перегрузка третейских судов. Каждый конфликт, возникший в цеху какого-нибудь завода, почему-то не может быть разрешен на данном заводе, не может быть разрешен в примирительном порядке и тянется вплоть до третейского суда 3 — 4 месяца. Каждый пустяковый вопрос о каждом отдельном рабочем, о двух рабочих, о рукавицах идет прямо в третейский суд, минуя примирительную инстанцию.

Эта политика недопустима. Она понижает работоспособность третейских судов, загромождая суды мелочными

делами, ведя к волоките, либо требует при каждом заводе и фабрике создать колоссальный аппарат третейских судов. Не хотят примиряться даже по пустяковому вопросу.

Я не решаю сейчас вопроса, кто виноват: хозяйственники или профессионалисты. Возможно, и те и другие. Но что известного рода конфликтное сутяжничество развилось у нас и что ему нужно об'явить борьбу, — это несомненно. Нам нужно выдвинуть, как правило, что в третейские суды может поступать только тот конфликт, который предварительно прошел примирительный порядок и по которому в примирительной инстанции не состоялось соглашения. Начиная от первой стадии возникновения конфликта и до его конца должен быть введен необходимый, хотя бы элементарный порядок конфликтного делопроизводства.

Я не стану вам приводить примеров, всем известных у нас в Москве, когда при третейском разбирательстве, даже в верховных органах, под председательством наркомтруда, являются люди, которые порой не знают, сколько у них рабочих, как проходил конфликт, и начинают сутяжничество по типу старого российского разгильдяйства. Один говорит: «Как? ты мне обещал»... — «Когда я тебе обещал?» — «Да когда я к тебе в кабинет заходил», и т. д. Все построено на воспоминаниях и перепутано с их приятельскими отношениями. В первой инстанции пред'являются одни цифровые данные, в последней — вытаскивают из портфеля какие-то другие данные. И все это тащится в третейский суд. А на местах три месяца ждут разрешения вопроса.

Нам нужно приучить людей в этом важном деле к элементарной, деловой грамотности, к порядку. Начиная

с первого момента конфликта, который должен поступать в расценочно-конфликтную комиссию, когда стороны не согласились, необходимо, чтобы каждая сторона точно сформулировала пункты расхождения, чтобы каждая сторона дала свою формулировку, на которой она настаивает, скрепив ее своей печатью и подписями соответствующих ответственных должностных лиц данного учреждения или предприятия. И во второй инстанции прохождение конфликта должно быть также документально засвидетельствовано. Тогда и только при введении порядка можно установить, где корень этого сутяжничества, кто прав и кто виноват. Надо приучить людей относиться к третейскому суду с уважением. Иначе третейские суды будут невероятно загружены мелочами и, конечно, при таких условиях порой важнейшие вопросы проходят мимо внимания, а мелкие вопросы таскаются совершенно зря по инстанциям. Необходимы опрятность в этом деле, порядок, ибо мелочные вопросы рабочей жизни на предприятиях и заводах — сейчас очень важный вопрос.

Мы в августе провели солидное обследование, разослали инструкторов на целый ряд фабрик и заводов, провели ряд широких собраний работников с мест, выявили, каково сейчас положение, чем недовольны рабочие. Главный корень недовольства рабочих на предприятиях — в мелочах, в нечуткости профорганизаций и хозорганов, которые обязаны заботиться об устранении этих неприятных мелочей. Я утверждаю и думаю, что со мной согласятся все профработники, что $^{9}/_{10}$ наших конфликтов, которые доходят до третейских судов, безболезненно могут разрешаться в примирительном порядке, и что именно в

деле конфликтов необходимо установить определенный порядок, ввести действительно точную регистрацию всего конфликтного делопроизводства в письменном виде, формулируя каждый пункт разногласия. Это будет и хорошей школой для работников, и пособием для выяснения характера наших конфликтов, и материалом к итогам нашего коллективного опыта в этом отношении.

Смысл и значение экономработы союзов.

Чтобы определить задачи экономработы, я напомню С'езду резолюции предшествующих с'ездов, свидетельствующие о том, как мы смотрели на нашу экономработу. В резолюции XI С'езда партии, формулированной Владимиром Ильичем, говорится, что экономработа союза вытекает из самой политики рабочего государства и из роли рабочего класса и его союзов в области диктатуры пролетариата. Сила наша заключалась в том, что каждый шаг, каждый момент существования рабочего государства и все его успехи определялись тем, что каждое мероприятие рабочего государства опиралось на сочувствие масс, на их широчайшие симпатии, на их активную поддержку. Ни одно государство не пережило бы того, что пережили мы — голод, холод, эпидемии — и не вышло бы из этого положения, если бы за этим государством не шли широкие массы трудящихся.

Восстановление нашего хозяйства в экономически отсталой стране при том положении, в котором мы были, без притока иностранного капитала, без помощи иностранного кредита могло осуществиться только благодаря активным усилиям, содействию, сознательному отношению миллионов рабочих. В этом — сила и сущность жиз-

ненности и успехов рабочего государства. Ни одна задача, стоящая перед рабочим государством, не может быть осуществлена без самой широкой и активной поддержки передового класса, правящего государством рабочего класса. И, конечно, было бы глупо думать, что успешное строительство социализма хоть сколько-нибудь возможно без активного содействия широких пролетарских масс, без того, чтобы активно не вовлечь в это дело массы, чтобы они не относились к этому сознательно, как к своему родному делу. Без масс равным образом нельзя бороться с бюрократизмом государственного аппарата, оставшегося в наследие от прошлого. Здесь, одним из мощных рычагов являются производственные совещания.

Производственные совещания.

Я не стану здесь подробно останавливаться на достоинствах и недочетах производственных совещаний. Я думаю, что мы все можем констатировать, что производственные совещания, как и всякая живая организация, пережили уже свои моменты ослабления и под'ема, но общая тенденция расширения, развития и укрепления этих организаций доказана жизнью. Если наша оценка производственных совещаний правильна, если мы в понимании экономработы и роли производственных совещаний сходимся, то мы не разойдемся и в оценке вытекающих отсюда организационных мероприятий, важнейшим из которых является вопрос о создании контрольных комиссий, который вызвал довольно бурные дебаты на последней XV партконференции. Если к контрольной комиссии подходить как к контрольному органу, задачей которого является контро-

лировать хозяйственника — только тогда все возражения против контрольных комиссий правильны. Но именно так и не следует подходить к вопросу, а следует подходить к нему как к методу, обеспечивающему широкое вовлечение рабочих в активное и сознательное участие в хозяйственной жизни и тем самым в социалистическом строительстве. Вот, подходя к нему, как к методу, — правилен этот метод или нет, — нужно оценивать тот опыт, который мы вам предлагаем проделать. В чем заключается его суть? В том, что перед производственными совещаниями на ближайший период времени стоит задача более углубленной, более плановой, более систематической работы. Когда я выступал на XV партконференции, я получил в записках и письмах целый ряд возражений со стороны отдельных профработников, даже не участвовавших в конференции. Они мне указывали, что я переоцениваю значение производственных совещаний, говоря, что черновая работа производственных совещаний—пройденный этап, что теперь производственные совещания должны подняться на ступеньку выше. Я думаю, что возражения основаны на неправильном понимании того, что означает этот период. Когда приводят пример, что вот там-то и там-то еще скрывается ряд мелких недочетов, — это правильно. Ведь никогда не бывает так, что мы один период закончим все нога в ногу и потом все вместе, также нога в ногу, начинаем новый период. Так можно в умной книге написать, но в жизни так не бывает.

Мы говорим, что в общем и целом, те вопросы из области финансов, которые волновали наши прошлые с'езды, например, дефицитность союзов, остались позади, хотя мы знаем, что найдутся еще десятки организаций, которые до

сих пор дефицитны. Но мы говорим: такова в основных чертах общая тенденция всего профдвижения на ближайший период. Конечно, кое-где еще остались мелочи, и этими мелочами надо заниматься. Если меня, два года или 2½ года тому назад, когда я выступал по вопросу о производственных совещаниях в Ленинграде и говорил — не занимайтесь большой политикой, а посмотрите, не течет ли крыша, не натыкаются ли на кучи мусора,—обвиняли в том, что я не дооцениваю роли производственных совещаний, — то теперь обвинение с другой стороны: считают, что все это еще в основном не пройдено, и мои слова о новой фазе в развитии работы производственных совещаний являются увлечением. А я знаю, что кучи мусора есть, что кое-где в мастерских на нос рабочему еще капает вода через разбитые стекла. Но за эти два года производственные совещания выросли, много мелочей уже устранено, производственные совещания в своей работе уже переходят и должны переходить на более высокую ступень. Мы теперь об опыте производственных совещаний кое-что знаем; по крайней мере, отдельные союзы проработали этот вопрос серьезно. Я рекомендую тем, кто интересуется этим вопросом, прочитать брошюрку о работе производственных совещаний, изданную ЦК пищевиков [1]), чрезвычайно серьезную, умную, полезную брошюрку. Тут—серьезный подход к делу, внимательное изучение вопроса без всякой особой предвзятой идеи, а констатирование фактов—образец как нужно изучать этот вопрос. Здесь пищевиков можно поставить в пример. В общем и целом, перед производственными совещаниями мы должны поста-

---

1) „Практика работы производственных совещаний на предприятиях пищевкусовой промышленности“. Изд. ЦК ВСРПВП, стр. 64.

вить более высокие задачи, мы должны их поднять на ступеньку выше, но для этого требуется, с одной стороны, усиление авторитета производственных совещаний, а с другой — уверенность их самих в своей компетенции.

Контрольные комиссии.

Когда мы говорим—поднятие авторитета, то это значит, поднятие авторитета не только в глазах других, но что и в собственных глазах та или иная организация должна иметь известный авторитет. Правильно ли это? Необходимо ли поднятие авторитета участников производственных совещаний в своих собственных глазах и в глазах окружающей рабочей массы? Те, кто согласятся с тем, что это — правильно, должны признать, что создание контрольных комиссий, формируемых при непосредственном участии производственных совещаний и фабзавместкомов, является также вполне правильным подходом к разрешению этой задачи. Мы нарочно не решали сами этого вопроса, детали которого можно будет проработать в секции, желая знать мнение работников низовых организаций, которые видели работу производственных совещаний на практике, которые лучше знают, как нужно формировать этот орган, чтобы он более успешно отвечал своим задачам. Мы ограничились установлением общих принципов организации этих комиссий; одним из этих принципов является условие, что контрольная комиссия должна быть **временной**, а не постоянной. Этим она отличается от рабочего контроля, **она должна иметь специальное назначение** — это второе. Если я, допустим, был бы директором какого-нибудь предприятия и стал бы отчитываться перед производственным совещанием, имея

в своем распоряжении аппарат, статистику, книги и целый кадр вышколенных служащих,—диаграмма запишет кривые и все прочие цифры, — и стану докладывать рабочим, которые пришли от станка и не знают, что делается в другом цехе (ибо мы требуем, чтобы рабочий работал 8 часов, а не ходил по цехам), опыт которых и круг наблюдений ограничен несколькими станками, которые не знают, что делается вокруг, — и вдруг я буду говорить им о задачах треста и т. д. Правильно ли это? Равные ли будут силы для суждения? Нет, не равные. Отсюда вытекает взгляд свысока некоторых ответственных хозяйственных работников на производственные совещания. Что там, дескать, будут рассуждать об общей политике, когда они ничего не знают? А мы хотим, чтобы *теперь знали*. Для этого рабочие должны выбрать тех доверенных лиц, которым они в данный момент доверяют. Профсоюзы снабдят этих доверенных лиц нужными специалистами, которые помогут, пойдут и посмотрят, правильно ли работает данный аппарат, действительно ли все служащие «незаменимы» и все нужны до-зарезу, правильно ли ведется вся работа треста, каковы его финансы, как они расходуются.

Смешно нам теперь говорить о коммерческих тайнах и становиться на позицию коммерческих тайн. Мы ее отвергли, отбросили. В пролетарском государстве — какие могут быть коммерческие тайны? Их нет, да и в природе их нет — какие тут коммерческие тайны? Подумаешь, секреты какие!

Мы должны сказать, что контрольная комиссия есть тот орган, который должен закрепить, поднять и расширить авторитет производственных совещаний, активизи-

ровать волю их участников, поднять авторитет этой организации в глазах широких рабочих масс.

В области экономработы я хочу коснуться еще одного вопроса. Наша экономическая работа в других областях, кроме производственных совещаний, упала. Ее нужно активизировать, ее нужно усилить. Правда, некоторая пассивность профсоюзов к общей экономработе об'яснялась тем, что часто кандидатуры, выдвигаемые на тот или иной хозяйственный пост профессионалистами, слишком голословно отвергались хозяйственниками. Отсюда появились разочарование и брюзжание со стороны профсоюзов. Здесь кое в чем — вина хозяйственников, но кое в чем — и вина профсоюзов. Для того, чтобы твои кандидатуры не отвергались, подыскивай получше кандидатуры. А для этого нужно немножко быстрее повышать нашу воспитательную работу в среде профсоюзного актива.

О работе представителей.

Одновременно наблюдается падение экономической работы профсоюзов и в отношении экономической осведомленности профсоюзов. Я должен сказать, что даже в обстановке капиталистического общества профсоюз всегда должен быть осведомлен о состоянии своего производства, о состоянии того предприятия, с которым он имеет дело. Мы эту задачу ставили перед нашими профсоюзами еще на V С'езде Профсоюзов. Далеко ли мы ушли по этому пути? Я думаю, что недалеко: попрежнему существует бессистемность во всей экономработе и в первую голову в работе представителей. Посылки профсоюзных представителей во все организации, какие только есть на территории СССР, производятся бессистемно, представителей

этих в лицо не знаем, что они там делают, куда их послали, тоже не знаем, сведений никаких не собираем; посылаем человека, и он идет. Представителей — гибель, баталионы можно составить. Я думаю, что многие председатели союзов испугаются, если они подсчитают, сколько у них представителей, за которых они несут ответственность. Часто бывает, что к нам приходит человек, и мы его спрашиваем: «Вы кто такой?»—«Я—ваш представитель».—«Где?»—«Да вот в такой-то организации» — «Не может быть, — разве мы там представителя имеем?» *(Смех)*. — «Два года от вас сижу и работаю там»... *(Смех)*.

Это наблюдается во всех профорганизациях сверху донизу и снизу доверху. Давайте от этой системы отказываться, — посылать только туда, где действительно нужно представлять, посылать столько представителей, сколькими мы можем руководить, работу их систематизировать. Иначе все это — игрушки, баловство. Ну, что это такое? — С одной стороны, как будто нужно посылать — мы и посылаем; не пошлешь — люди обижаются. С другой — везде представителей рассаживаем, а что там делается, не знаем, работой их не руководим и пользы для дела от них не видим.

Культработа.

Достижения и недостатки.

Я хочу бегло коснуться культработы. Достижения наши в области культработы колоссальны, но и недостатков еще много. Я не раз говорил, и приходится еще раз повторить, именно потому, что это — дело молодое, именно потому, что нигде в мире никогда профсоюзы не вели

такой культурно-просветительной работы, какую мы ведем, именно потому, что мы в этом деле шагаем гигантскими шагами, развив в 3 — 4 года колоссальнейшую культурно-просветительную работу; наши достижения громадны, но и недостатки велики. Эти недостатки особенно велики и чувствительны у нас, при наличии общей культурной слабости, при молодом сравнительно профсоюзном активе, при частой его сменяемости, ибо мы не можем позволить себе роскоши, чтобы у нас кадры отстоялись и стояли неподвижно. Задача орабочивания советского аппарата заключается в том, что мы должны своих энергичных, лучших работников отдавать и для государственной работы и для партийной работы. У нас они растут, а когда вырастут, мы их отдаем десятками, сотнями, тысячами. При всех этих условиях затруднен рост специально профсоюзного актива, накапливания опыта, трудно избежать ряда ошибок, которых особенно много здесь, в молодом, слабо изученном деле.

Попрежнему существует в направлении культурно-просветительной работы качка. Она заключается в том, что наш культработник то шарахнется только на учебу, на политико-просветительную работу, а после этого, когда его одернут, он сразу бросается в другую крайность — только увеселения; как норовистая лошадь, когда ее берут за одну возжу, она бросается в одну сторону, хотят поправить за вторую — бросается в другую сторону. Эта качка продолжается до сих пор, как равно продолжают наблюдаться факты упрощения работы наряду с привычками хвататься за все сразу, не соразмеряя сил и средств широко разбрасываться. Ну, вот, возьмите: как можно упрощать работу, когда нам с вами на С'езде ста-

зят вопрос: кружки при клубах полезны, или вредны? Конечно, полезны. Кружки разве не являются органами, в которых растет и развивается самодеятельность рабочих? Да, конечно. Полезны кружки? Полезны. Задача клубов и культработников вовлекать рабочих в эти кружки — это, бесспорно, правильно. А на практике: «Запишите в клуб». — «А в какой кружок хотите вступать?» — «Ни в какой». — «Тогда в клуб не записываю». Вот вам так называемое «упрощение», потому что, «ежели ты такой лентяй, не хочешь в кружок итти, то в клубе тебе места нет». Вот вам метод упростить работу.

— Хочешь итти в клуб — запишись в кружок: все равно в какой: в ИЗО, МУЗО, ХОР, ДРАМ, ШАХ, в кружок кройки и шитья, — но в какой-нибудь кружок ты должен записаться.

Я не стану перечислять мелких недочетов и ошибок в культработе, я хочу остановиться лишь на опасных и больших ошибках. Для того, чтобы С'езду было ясно, почему я считаю, как будто на первый взгляд мелкие практические вопросы — опасными ошибками, я напомню историю развития организационных отношений и идей внутри культурно-просветительной деятельности. В первый период революции некоторые думали, что культурно-просветительная деятельность есть особая область рабочего движения, самостоятельная, равноценная политическому и экономическому движению рабочих. На этой почве вырастали цветы самостоятельности, самостихийности и независимости пролетарской культуры. Некоторое время к этому относились пассивно: не на что и некогда было культпросветработу вести. В новый период, когда мы развертываем нашу культработу, эти идеи

в смягченном виде переносятся в наши культотделы. Напоминаю спор на первых порах строительства культотделов о выборности культорганов сверху донизу. Вы помните, старые профессионалисты, этот спор?

Мы отвергли систему выборности культорганов. Противник перешел на следующую позицию—коллегиальность в работе культотдела. Отвергли и это. Мы говорили, что культработу, как бы она ни была своеобразна, должен вести тот, кому это поручено официальным органом союза. Время от времени, в том или другом виде, коллегиальность, выборность, всплывают, как пузыри, на поверхность нашей культурно-просветительной деятельности.

Специализация, а не дифференциация.

Культурно-просветительная работа чрезвычайно расширяется, развивается, делается многогранной, многосторонней, требует от работников специализации в отдельных видах культурно-просветительной работы. Все это абсолютно правильно, но что такое специализация? Это означает, что отдельные работники должны детально изучать отдельные виды союзной работы, специализироваться в отдельных вопросах, однако, не отрываясь от общего. Но вдруг этот термин «специализация» превращается в другой — «дифференциация», что значит: расслоение. За неправильное употребление этого термина я частично вину беру на себя, ибо в 1926 году на совещании культработников я два раза неряшливо употребил слово — «дифференциация», но, конечно, не в том смысле, какой придают ему сейчас. Сейчас, ухватившимися за это слово, некоторыми культработниками выдвигается целая

теория дифференциации культурно-просветительной работы союзов. Что такое дифференциация? Это слово, в русском переводе, ничего другого не означает, как расслоение. Я думаю, если спросить вас, хотите-ли вы расслоения культурной работы, вы ответите: нет, не хотим.

Вот вам пример, как неправильное употребление термина ведет к теоретической путанице, что наиболее ярко выражено в статье [1]) такого маститого культработника, как тов. Диамент (заведующий культотделом первейшей организации, МГСПС), который взял этот неверный термин и строит на нем целую своеобразную теорию дифференциации культработы профсоюзов.

Посмотрим, что же говорит тов. Диамент на основании теории «дифференциации».

„Приспособление культработы к отдельным группам рабочих и нахождение отдельных форм и методов просветительной работы, которые были бы понятны каждому рабочему в зависимости от его культурно-производственного уровня".

Новый термин — «культурно-производственный уровень».

„Разве это не проблема дифференциации профсоюзной культработы?"

Нет, не проблема. Потому, что такая дифференциация приведет к работе одного сорта для одних рабочих, другого сорта — для других; отдельные клубы, лекции, кружки и т. д. Это поведет к путанице внутри рабочего класса. Я уже не говорю о том, что новый термин «культурно-производственный уровень» весьма неудачен. Уро-

---

[1]) *X. Диамент.* Спорные вопросы культработы. Из-во «Труд и книга». М. 1926 г.

вень бывает культурный. Культурно-производственный уровень — что это такое?

Дальше, говоря о культурном уровне рабочих, о том, что, с одной стороны, имеются культурные рабочие, с другой — имеются большие группы рабочих отсталых, не интересующихся или очень мало интересующихся общественной жизнью, он приводит цитату из своей статьи «Пути рабочего клуба».

> „Основным из них (условий) является культурная дифференциация (деление) рабочих масс. Рост и укрепление профессионального движения, широкое развитие пролетарской общественности вызвали к жизни и активности многочисленные кадры рабочих. При внимательном наблюдении мы видим, что из общей массы выделяются отдельные группы стремящихся поднять свой культурный уровень, сделаться сознательными активными участниками нашего культурног строительства. С другой стороны, имеются большие группы рабочих более отсталых, не интересующихся или очень мало интересующихся нашей общественной жизнью. Вот это „кульо турное деление“, эта дифференциация значительно влияют на нашу работу“.

Это — опасная теория. При развитии дальше этой теории дифференциации получается: каждый вид работы требует дифференциации, отдельного об'единения по вертикали, создания специальных клубов на основе «любительства», т.-е. самостоятельные общества с выборными органами. Нечто подобное тому, как во всех приличных «Западных Европах». Но для рабочего движения буржуазной Западной Европы на данной ступени его развития это, может быть, и хорошо, — для нас это не годится. Там певческие общества, хоровые общества, музыкальные общества, физкультурные общества, общества футболистов, конькобежцев и т. д., ничего не имеющие с профсою-

зами и с общепросветительной работой; у нас физкультура, музо, изо, и т. п. — как часть общей культурно-просветительной работы профсоюзов. Хотим мы того, что есть в Западной Европе? Нет, не хотим.

Мы не хотим такого деления на самостоятельные вертикальки внутри культработы, с выборным органом, с особыми дополнительными членскими взносами, ибо это не обеспечивает правильного руководства культработой. Не обеспечивает единства линии в общей культработе, согласование частей ее, увязки воедино всей культработы.

Чего мы хотим, мы говорили не раз. Мы хотим, чтобы культработа всесторонне охватила рабочего. Мы не раз повторяли, что для нас, в конце концов, неважно иметь в союзе металлистов самую лучшую команду лыжников или футболистов, для нас важно, чтобы, с одной стороны, шло оздоровление рабочего класса, а с другой — не менее успешно шло воспитание его политического классового самосознания. Вот почему опасно расслоение, дифференциация культработы на ряд вертикалей. Это есть отрыжка старых идей. При этой системе вы будете иметь хороших футболистов — игры вот какие, а лоб — в два пальца. Он будет отлично знать, как гонять мяч, но не будет различать профсоюза от оглобли. *(Смех).*

Вы посмотрите, как дальше развивает теорию дифференциации тов. Диамент: самые конференции и собрания физкультурников должны быть увязаны с общими классовыми интересами. И здесь следует пример, как их можно увязать: физкультурникам читается лекция о гигиене и здоровьи — это связано с анатомией. Читается лекция о путешествиях — физкультурник знакомится с географией и т. д. Своеобразная теория. Для того, чтобы совер-

шить экскурсию из Москвы в Иваново-Вознесенск, физкультурнику не надо знать географии Америки. Нужно знать лишь, где купить железнодорожный билет, чтобы доехать от Москвы до Иваново-Вознесенска, или по какому шоссе пройти. Когда физкультурник будет совершать экскурсию из Орехово-Зуева в Москву, зачем ему читать географию Южной Америки? Я видел несколько отчетов в газетах, не официальные отчеты, а такие, которые мелькают на задних страницах, в которых говорилось, что там-то и там-то состоялись собрания физкультурников, обсуждались такие-то вопросы, а все эти вопросы исключительно физкультурного характера — ни одного общественного, экономического или политического вопроса!

Вот такая дифференциация ведет к путанице, к расслоению работы, так как все кружки будут работать только в области своей узкой специальности. Нам этого не нужно. Нам нужно, чтобы рабочий был хорошим членом своего союза, хорошим членом своего класса, чтобы он мог, придя в стены своего рабочего клуба услышать лекцию не только о физкультуре, но и по общим вопросам.

Устраиваются отдельно кружки лыжников, футболистов, шахматистов, и все это претендует на отдельную вертикаль. Есть даже Шахинтерн со своей теорией, что пролетарскому шахматисту нельзя играть с буржуазным шахматистом, ибо это есть классовое примирение, измена делу пролетариата! *(Смех).* Я не спорю, может быть, эта организация и хорошая, я ее мало знаю, может быть, действительно, интересы пролетариата, как класса, проиграют, если буржуазный спортсмен обыграет пролетарского спортсмена или обратно, но не в этом дело, а

в том, что каждая часть работы претендует на особую организационную вертикаль.

Разве теперь для того, чтобы знать работу кассы взаимопомощи, не требуется засесть и специально изучить вопрос о кассе взаимопомощи? Разве человек может одинаково хорошо знать все виды и все отрасли нашей профсоюзной работы? Нет, для этого требуется большая многолетняя работа и повседневный опыт. Что тут есть специального? Ведь никто из нас не говорит, что заведующий культотделом должен лучше всех ходить на лыжах, лучше всех ездить на велосипеде, лучше всех играть в шахматы, лучше всех петь и лучше всех танцовать! Никто этого не требует. Завкультотделом должен уметь увязать каждую работу и каждую отрасль работы с общими задачами союза и рабочего класса. Вот что должен знать и уметь заведующий культотделом. По отдельным видам работы он должен уметь подобрать людей, дать соответствующую общую линию, заслушать их отчеты, проследить за работой, как бы она ни была многостороння и специальна.

Разве наша экономработа не многостороння, разве организационная работа не многостороння? Почему же эти отрасли нашей профсоюзной работы никто не предлагает разделить на составные части — «дифференцировать»? А, между тем, в отношении культработы это предлагают, хотя несомненно из такого деления культработы вытекает известная опасность, ибо тут выделяется физкультура в отдельную клеточку по типу западно-европейских профсоюзов. Я потому так подробно остановился на этом вопросе, что считаю это отрыжкой старого, и еще потому, что это свидетельствует о том, что у нас на культурно-просветительном фронте есть много остаточков

старых специалистов-культурников из старой интеллигенции. Рабочих мы на эту работу мало выдвигаем, а вот эти специалисты-культурники хотят самостоятельности, обособленности от нашего общего союзного руководства.

На это мы должны ответить выдвижением на ответственную культурно-просветительную работу наших лучших работников из рабочих, которые должны и сумеют сознательно отнестись к общесоюзной работе и не замыкаться исключительно в свою, в культурно-просветительную клеточку. Вот что нужно сделать, чтобы увязать всю культурно-просветительную работу с общими задачами союзной работы и положить решительный конец всяким уклонам.

Я не говорю плохо о книжке тов. Диамента, — у него есть много опыта, но в этой его книжке есть опасные черты разбрасывания, когда люди ставят себе задач столько, что не могут ни продумать, ни охватить. Мы должны придерживаться ленинского «лучше меньше, да лучше». Чего в книжке тов. Диамента только нет! Тут и загородные базы, и специальные клубы физкультуры! Да бросьте вы говорить об этом! Это доступно для одной Москвы, частично доступно Ленинграду и совершенно неприемлемо для всех остальных мест. Какие там физкультурные клубы или загородные базы, когда в уездном городе один клуб для всех союзов, он же и партию обслуживает. Разнородные театры и физкультурные базы — это все доступно только Москве и Ленинграду. *(Аплодисменты).*

Значение радио.

Я думаю, что в отношении культурно-просветительной работы на ближайшее будущее нам нужно рекомендовать

несколько воздержаться от торопливости, однако, планомерно развивая имеющиеся в наших руках возможности. В частности, это относится к радио-делу. Когда мы станем побогаче, когда радио-работа развернется, и мы будем в состоянии построить достойную нас, мощную станцию, строго обдумаем это дело так, чтобы станция могла обслужить весь СССР, может быть, мы в дальнейшем построим 2—3 станции, правильно разработаем планы их работы с тем, чтобы работа станций была централизована, тогда, может быть, эти станции дадут возможность централизовать некоторые отрасли культурно-просветительной работы, так как смогут заменить лекторов, заменить отсутствующее руководство профсоюзными кружками. Из центра можно будет действительно дать хорошее инструктирование, дать образцовую музыку для рабочих. До сих пор у нас радио не всегда хорошо используется—не умеем еще, нужно учиться. Винить никого нельзя. В будущем, при правильном использовании радио, мы, вероятно, подойдем к некоторой централизации культурно-просветительной работы.

Рабочая профсоюзная печать.

Я хочу коснуться еще одной важнейшей отрасли культурно-просветительной деятельности — вопроса о рабочей прессе, о рабочей печати, о работе издательств профсоюзов. Товарищи, если здесь начать оглашать выдержки из журналов и демонстрировать издания некоторых профсоюзов, то это займет много времени, но это будет не скучнее, чем на вечере юмористики. *(Голоса: «просим»)*. Однако, эта печальная юмористика заставляет нас во весь рост поставить вопрос о том, какую же

духовную пищу, в форме печатного слова, мы даем рабочим.

Вот передо мною издание Дальбюро ВЦСПС. На этой брошюре заголовок: «Мериканская жисть» [1]). Автор брошюры, повидимому, полагает, что если говорить как следует, по-рабочему, то нужно сказать «мериканская жисть». Ознакомившись с этой брошюрой, мы увидим, что единственное достоинство ее заключается в том, что она раздавалась в качестве бесплатного приложения к журналу. Не бесплатно вряд-ли кто бы ее взял... *(Смех)*. Когда вы возьмете в руки эту книжечку и посмотрите ее, то, во-первых, вас удивляет неряшливость. Вот чем угощает рабочих профсоюзное издательство:

„Козырев познакомился вместе со знакомством инженера еще и с его дочерью Надей. Надя красавица. образованная из семьи, которая знает прилично держать себя в обществе. Надя с милым голосом, который щекочет в груди, с черными строгими бровями, выразительными умными чертами на лице, завлекла Козырева".

Вот вам первое произведение. Идеальный образец мещанской безграмотности.

А вот второе — издание ЦК союза текстильщиков: «Частушки». Кроме частушек ничего нет. Частушки, может быть, и хорошо собраны, но нужно ли издавать для рабочих частушки деревенского характера, принесенные текстильщицами-рабочими на фабрики из деревни? Частушки воспевают «милку» и проч. Может быть, человек, который собрал эти частушки, сделал хорошее дело, но издательство, которое издало их для текстильных рабочих, сделало глупое дело.

---

[1]) *А. Калинченко.* Мериканская жисть. 35 стр. Прилож. к журналу „Рабочий Путь", № 44—45.

А вот вам «Сценка для постановки в рабочих клубах. «Красный Транспортник», бесплатное приложение к журналу «Красный Транспортник» — издание ЦК союза транспортников — прочитайте, посмотрите, какими грубыми, неуклюжими инсценировками хотят кормить рабочих.

Если мы перейдем к работе театров и посмотрим какие пьесы ставят для наших рабочих, то увидим, сколько тут грубости, сколько интеллигентского презрения к этим рабочим. Ведь только барин, который думает, что рабочий есть полутемное создание, не поднимающееся до него, может писать для рабочих таким языком, каким написана, например, пьеса «Пред и Кор», издание, одобренное Кабинетом профсоюзной культработы культотдела МГСПС. Это показывает, какого низкого мнения о рабочих держатся некоторые авторы.

Я не хочу обвинять авторов: может быть, это—молодые рабочие-литераторы, не попавшие в тон; может быть, со временем из них выйдут очень хорошие писатели. Не их вина, а вина тех, кто одобряет такие издания и пускает это в рабочую среду. Посмотрите, какой язык! Все действующие лица — рабочие, говорят на каком-то полублатном языке. Ни один рабочий не может сказать: «в клубе», а говорят непременно — «в клубу». «Пред и Кор» претендует на веселую пьесу: там все есть — в мешок сажают, связывают, выбивают табурет из-под председателя и т. д. Старые балаганные приемы! Разве это нашему рабочему нужно? Разве так поднимают культурный уровень рабочих? Разве этим вы действительно создадите хоть какое-нибудь приближение к будущему пролетарскому искусству? Может быть, это

писали очень хорошие ребята, пролетарские писатели. Я согласен в одном с Демьяном Бедным, что они «хоть сопливенькие, но свои». Правильно. Но не нужно замалчивать и другого положения, из этого вытекающего: «хоть и свои, но порой бывают сопливенькие». Здесь одно пролетарское происхождение нас ни в какой степени не устраивает. Хорошо, учись, пиши, мы будем тебя поддерживать, но рекомендовать тебя — это дело десятое.

Вопрос о рабочей печати ставится во весь рост, и мы просим С'езд заняться им. У нас издают много, но, благодаря тому, что именно много издают, забывают главное, что все это идет от рабочей организации, от профсоюза, и потому рабочие с доверием относятся: это идет от моей рабочей организации,—это должно быть хорошо. А у нас проявляется такое неряшливое к этому делу отношение! Просмотрите все наши областные издательства, издательства ЦК союзов, посмотрите последний вышедший номер журнала «На Вахте»[1]). Ответственный редактор этого журнала—наш общий друг, довольно видная персона — тов. Ищенко. Заместитель его тов. Коваль написал статью «К социализму». Сколько я из нее неожиданного узнал,— это поразительно. Этим шедевром я не могу с вами не поделиться. Тов. Коваль прислал об'яснение, — почему с ним случился такой грех. Но ведь ты же, тов. Коваль, рабочему этого об'яснения не дашь, а он читает то, что ты писал. Поправка Коваля вряд ли улучшает положение! Я приведу несколько выдержек.

---

[1]) На „Вахте“ № 1 (845), 26 ноября 1926 г. Издание Центр. Комит. союза водников.

„Истекшей коммуны год девятый,—в истории социалистической революции на одной шестой части земной планеты является переходным годом, на грани которого, с одной стороны, законченный процесс восстановления советского народного хозяйства, с другой—задача реконструирования форм и методов управления этим огромнейшим хозяйственным центром, с многочисленными центровыми осями всех отраслей социалистического хозяйства, с многочисленными районами в советской системе хозяйствования“. *(Смех, аплодисменты).*

Вот философия, разведенная на шестой части планеты. Вот вам дальше:

„Международному же пролетариату доказывать не надо, что наше строительство советского народного хозяйства является социалистическим.

Но формы и методы его управления являются, конечно, капиталистическими, раз наша страна пока еще проходит через эпоху нэпа, через полосу государственного капитализма“.

И несколькими строками ниже:

„Возьмем несколько цифр государственного бюджета: в 1924—1925 г.—он выражался в 185 милл. рублей, в 1925—26 г.—490 милл. рублей, 1926—27 г.—625 милл. рублей“.

И цифр нигде таких нет. Такое пренебрежение к рабочему читателю роняет нашу прессу.

Большинство издательств профсоюзов, — нужно сказать правду в глаза, — поставлены по-халтурному. Издают все. Каждая мало-мальски считающая себя приличной, уважающая себя организация непременно издает свой журнал или газету. А кто там пишет? А как там поставлено дело? Вы думаете, что я процитировал вам худшее? Нет, я ничего не выбирал. Если бы я произвел обследование, то, вероятно, трибуны не хватило бы, чтобы поместить всю такую литературу. Это только то, что за

последние три недели попало мне в руки. Пришел кто-то и дал мне книжку «Пред и Кор». Развернул я—батюшки!.. Посмотрите, какой язык, посмотрите, какое непонимание того, что нужно для рабочего.

Сейчас каждый грамотный человек непременно хочет быть писателем, а читать никто не хочет. И когда посмотришь на эту литературу, согласишься, что умно делают, что ее не читают. Либо у нас в профсоюзной прессе все будет итти по-старому, либо нужно положить конец. Резолюции будут гласом вопиющего в пустыне, если не будет соответствующих организационных мероприятий; если вы не дадите нам директивы: издательское дело сократить, центральное издательство обновить. Это — одна из важнейших и очередных наших задач, на которую нужно обратить внимание.

Рабочий театр и репертуар.

Вторая задача, это — рабочий театр. Я считаю неправильной постановку дела, при которой губпрофсоветы формируют свои театры. Это все вздор. Если союзы будут организовывать свои труппы, то, пожалуй, все членские взносы на это уйдут. А нужно поставить на очередь вопрос о поисках хорошей рабочей пьесы, и мы обязаны поставить его после С'езда, как одну из очередных задач. Но мало говорить, что у нас пьесы плохи. Я не удивляюсь, когда мне говорят, что пьеса «Пред и Кор» — одна из лучших. Возможно, что остальные еще хуже.

Значит, нам нужно искать пути к созданию хорошей пьесы. У нас есть режиссеры, есть драматурги, есть великие артисты — «народные», просто «заслуженные»; все говорят о том, что хотят служить народу, хотят нести куль-

туру в рабочий класс. Неужели никто из них не может помочь нам в поисках хорошей пьесы? Неужели же не могут помочь в деле создания хорошей рабочей пьесы ни целый кадр новых молодых сил пролетарских писателей, ни работники искусства, ни маститые деятели на поприще искусства? Неужели же они не могут дать рабочему клубу пьесы, которая бы развертывалась на небольшой площади, не требовала бы на постановку 200—300 тысяч рублей, — нельзя ли ее рубликов за 150 поставить? — которая была бы без грубого навязывания, отвечала бы эстетическим потребностям кружковцев? Ведь кружковцы хотят, чтобы это было сценично, чтобы это было эстетично; для этого они идут в кружки, а не для того, чтобы им навязывали грубый надуманный язык, как будто рабочий класс должен иметь какой-то жаргон. Что в рабочем классе ходит много жаргонных словечек, — это правда, но зачем из этих словечек культивировать уродливый язык, забывая, что русский язык не плохой, а весьма богатый, и что надо научить рабочего хорошо владеть этим языком, а не культивировать уродливости и дикие словечки и не преподносить их как образец изящного языка. Нам нужна хорошая пьеса, мы можем за такую пьесу заплатить, ибо эта плата оправдает себя. Если же в деле создания хорошей рабочей пьесы нам не могут помочь ни мастистые деятели искусства, ни молодые пролетарские писатели, ни организации писателей, — тогда им грош цена всем будет. Тогда нужно будет поставить перед собой вопрос: может быть в рабочем классе для этой работы найдутся люди, либо придется на некоторое время отказаться от этой работы; но не ставить таких невозможных новых вещей, уж лучше вернуться к старым пьесам.

Международная деятельность.

Товарищи, я должен коснуться последнего вопроса — о нашей международной деятельности. Я не стану долго останавливаться на вопросах создания Англо-Русского Комитета. Я напомню только некоторые факты из его истории, чтобы мы могли, исходя из них, сделать некоторый вывод.

Создание Англо-Русского Комитета.

На англо-русской конференции, в апреле 1925 г. в развитие директив, данных нам VI С'ездом, мы вместе с представителями Генерального Совета постановили создать Англо-Русский Комитет. Англо-русская конференция опубликовала декларацию, которая являлась как бы манифестом и платформой совместной деятельности профсоюзов СССР и профсоюзов Британии за осуществление единства международного профдвижения. Я напомню три пункта этой платформы. Первый пункт — борьба против опасности новых войн; второй пункт — борьба против экономического наступления капитала на рабочий класс; третий пункт — борьба за единство международного профдвижения. На основе этой платформы вырос Англо-Русский Комитет. Конгресс британских тред-юнионов в Скарборо платформу утвердил и тем самым дал санкцию на организацию Англо-Русского Комитета. В Берлине на заседании Англо-Русского Комитета было в третий раз повторено одно и то же предложение, которое сводилось к тому, что в случае отказа Амстердамского Интернационала пойти на совместную конференцию с ВЦСПС для обсуждения вопроса об единстве международного профдвижения, Генеральный Совет британских тред-

юнионов берет на себя обязательство созвать такую конференцию под своим председательством. Это было сказано англо-русской конференции, это было утверждено конгрессом в Скарборо, это было повторено на берлинском совещании Англо-Русского Комитета в 1925 г. Это было в последний раз внесено, как практическое предложение английских делегатов, и принято единогласно Англо-Русским Комитетом на последнем заседании в августе 1926 г. в Берлине.

Всеобщая забастовка и забастовка горняков в Англии.

Я должен доложить С'езду, чтобы покончить с этим практическим предложением в области единства международного профдвижения, что Генеральный Совет не утвердил этого последнего постановления Англо-Русского Комитета. Я позволю себе коснуться в нескольких словах вопроса о наших взаимоотношениях с Генеральным Советом британских тред-юнионов. Я не стану, товарищи, долго об'яснять, что такое английская забастовка, и какова ее роль в международном рабочем движении. Я думаю, что не только для работников профдвижения, но для каждого русского рабочего ясно, что эта забастовка была борьбой против наступления капитала не в резолюции, а на деле. В этом и разница, что, когда люди говорят о борьбе против экономического наступления капитала в резолюции, они часто потом, когда это наступление бывает на деле, не видят, что это и есть экономическое наступление капитала. Экономическое наступление капитала на рабочий класс во время всеобщей забастовки в Англии и во время забастовки горняков в Англии сопровождалось уси-

ленным политическим наступлением капиталистов на рабочий класс. Для нас с вами это — бесспорная истина; но для некоторых в Англии это до сих пор непонятно. Горняки это поняли; но некоторые не поняли, что тогда, когда идет экономическая борьба рабочих, и рабочие отбивают экономическое наступление капитала путем единственного легального метода, путем экономической борьбы, — если в это время выезжают грузовики, наполненные солдатами и полисменами с винтовками и пулеметами, то это — уже политическое давление на рабочий класс, политическое наступление. Если к этому еще прибавить отмену закона о неприкосновенности личности и о свободах, введение чрезвычайного положения, аресты, избиения стачечников, экстренно действующие, всегда в интересах хозяев, суды, мобилизацию флота, — то все это вместе взятое дало наиболее характерное, наиболее яркое, величайшее наступление капитала на рабочий класс Англии. Мы всегда говорили, что экономическое наступление сопровождается и не может не сопровождаться политическим наступлением, ибо между политической и экономической борьбой в природе нет такой острой грани. Политика есть концентрированная форма экономики.

ВЦСПС и Генсовет.

Экономическая борьба класса против класса — это значит борьба политическая. И наоборот, политика без экономики — пустяки, это — пустые словеса. Поэтому экономическому наступлению класса на класс сопутствует наступление политическое. Горняки-предприниматели первые начали наступление. Разразилась всеобщая стачка. Мы увидели с первых же шагов ее отдельные

ошибки, робость в рядах Генсовета, мы считали своим долгом поддержать, ободрить, помочь. Мы сказали: «мы в вашем распоряжении, поможем, чем угодно». Мы получили отказ от нашей помощи. Забастовка провалена позорным образом. Мы сочли своим долгом дать оценку этой забастовке, ибо мы понимали союз, братский союз между рабочими Англии и рабочими СССР, не как простой союз и дружбу между Перселем и Томским или между Куком и Томским. Вообще, лично, я в друзьях недостатка не испытываю, и думаю, что то же самое и Персель. Друзей всегда можно себе найти сколько угодно, — эта штука дешевая. И ни для кого не интересно, кто друг у Перселя или Томского. Нам дружба мыслится не в дружбе вождей, а в дружбе масс, в союзе масс, а вожди и их дружба — это дешево стоит, об этом и двух газетных строк не стоит писать, это может интересовать досужего обывателя, кто к кому в гости ходит. Мы осуществляем великий союз и дружбу масс — рабочих масс СССР с рабочими Британии. Мы понимали братский союз таким образом: бороться против наступления капитала нужно не только в резолюциях, но и на деле; если на тебя нападают, мы обязаны тебя поддержать всеми мерами и всеми средствами. Не дожидаясь ничего, мы собрали деньги из всех ЦК союзов, из ВЦСПС. Мы сказали Генсовету — посылаем вам 3 миллиона рублей, которые потом соберем со своих организаций: русские рабочие нас не оставят. Мы получили на это отказ. Мы и тут не сделали ни одного резкого движения: ведите борьбу, боритесь, — мешать не будем, потом разберемся. Забастовка позорно окончилась из-за двусмысленного поведения, — нет, хуже, из-за прямого предательства Ген-

совета, испугавшегося борьбы. Легко бороться против экономического наступления капитала в резолюциях, но на практике — это серьезная борьба, ибо она сопряжена с борьбой политической. В процессе экономической борьбы, классовой борьбы в период ее обострения, часто ставится вопрос: «быть или не быть», «тебе или мне», твоя власть, или моя власть». Тот, кто боится такой резкой постановки вопроса, который история ставит перед борцами рабочего класса, тот вообще не способен ни к какой борьбе. Такую борьбу ведут только в цирках, по правилам: «ниже пояса не браться», непременно «на обе лопатки», да через каждые 10 минут отдых. *(Смех).* В жизни борьба не так происходит. В жизни — смерть или победа,—вот, как порою борьба ставит вопрос. Кто на такую борьбу способен, тот способен на классовую борьбу и на руководство ею. А если вести классовую борьбу только «отселева и доселева», а дальше — ни-ни, то получится, знаете ли, так: «давай драться; только смотри, новую рубашку не порви». Это не драка. Что это за драка?

После этого мы сочли себя вправе сказать, как мы понимали дружбу. Мы понимали ее как активную помощь, мы этот свой долг с первых шагов забастовки выполнили. Мы свою дружбу понимали, как взаимную поддержку, и готовы были для этого итти на всякие жертвы. Но бороться вместе — это значит иметь право критики. А то как же это так: решили вместе бороться, а когда я буду драться, ты будешь в это время папироску курить, или будешь спину поворачивать; я тогда вправе спросить тебя: «что же это ты, согласился бороться вместе, а сам спину поворачиваешь?» Это — элементарное право критики на основе пролетарского понимания дружбы.

Горняки остались одни, изолированные. Интернационал горняков фактически от них отвернулся. Амстердамский Интернационал в решительную минуту собрался, обсудил создавшееся положение, сфотографировался группой и раз'ехался. Получилась фотография людей, не выполнивших того долга, который они обязаны были выполнить. Тот руководитель, который в момент величайшей борьбы не выполнил своего долга, — дезертир с рабочего фронта, предатель; он заслужил полное название изменника. А как же иначе? Идет классовая борьба, а ты — генерал, командир, и ты не выполняешь своего долга! Следовательно, ты—дезертир, предатель, изменник делу борьбы. Вот, что это значит. Мы вправе были и вождям Генсовета и всем, кто не выполнил своего долга в течение английской забастовки, сказать это. Когда приехали наши представители на заседание Англо-Русского Комитета, то на первом заседании, в Париже, о помощи углекопам с ними не хотели разговаривать, на втором в Берлине — наша делегация во главе с т.т. Андреевым, Догадовым и Мельничанским внесла 14 пунктов практических предложений. Нашей делегации ответили, что эти предложения «не имеют практического характера», что это — декларация. По возвращении нашей делегации мы увидели, что надежда на то, чтобы толкнуть Генсовет на помощь горнякам, исчезла. Снимало ли с нас то, что вожди изменяют и дезертируют, не выполняют своего долга, трусят, — снимало ли это с нас обязанность перед английскими рабочими? Могли ли мы сказать английским рабочим: «Раз ваши вожди изменили, струсили, не выполнили своего долга, то нам-то какое дело?» Нет, мы не так понимаем дружбу. Раз осталась боевая колонна, и на нее выпала вся тяжесть

борьбы на пролетарском фронте, борьбы, имеющей величайшее историческое значение, то изменили ли вожди, или нет, но мы не изменим. Вот как мы считали своим долгом поступить. Они отвергли наше предложение о процентном отчислении, как «непрактическое», утопическое предложение. Мы обратились к своим рабочим, к своим профорганизациям, ко всем вам, и вас спросили: «Товарищи, мы считали бы правильным обложить 1% всех членов профсоюзов на все время забастовки горняков; считают ли наши профорганизации это правильным? Ответьте на это». И вы нам ответили, и весь рабочий класс СССР ответил повсеместным, поголовным однопроцентным отчислением! Практичным-ли оказалось это наше предложение или непрактичным?! Правда, для наших рабочих, еще получающих очень низкую заработную плату, помогающих многочисленным своим безработным, это — нелегкая жертва. Но классовая борьба есть вообще нелегкая вещь, — это не увеселительная прогулка, и рабочие СССР прекрасно понимают, что бороться с капиталом, это — жертвовать иногда своим кошельком, а иногда и своей собственной кровью.

Англо-Русский Комитет—блок рабочих масс.

Теперь, проверяя, правилен или неправилен этот наш шаг, мы не сомневаемся, что С'езд считает, что он правилен. Правильна была наша критика генсовета? Правильна. Правильно ли наше понимание необходимости активной помощи и необходимости жертв со стороны рабочих? Правильно. Так только и может происходить испытание активной классовой солидарности. Экзамен этот рабочие СССР выдержали.

Конечно, может встать вопрос о том, что это ослабило связь между Генсоветом и ВЦСПС. Ослабило или нет? Да, ослабило, и ослабление связи дает себя чувствовать. Мы видим, что по первому вопросу — о единстве международного профдвижения — представители Генсовета отказались выполнить четыре раза взятое на себя обязательство о созыве конференции. Четыре раза они повторили это обещание и, наконец, отказались его выполнить. Это — первое. Второе — они отказались послать делегацию на настоящий С'езд. Мы не можем это рассматривать иначе, как акт недружелюбия по отношению к ВЦСПС и к верховному органу профсоюзов СССР — VII С'езду Профсоюзов, как акт недружелюбия к рабочим СССР. И третий факт, о котором упорно и настойчиво говорят и который, по нашему убеждению, имеет свои основания,— желание Генерального Совета пересмотреть конституцию Англо-Русского Комитета в сторону большего ограничения прав обеих сторон ставить вопросы, касающиеся другой стороны. Что тогда останется от Англо-Русского Комитета, если конституцию еще урежут? Непосредственная братская связь, элементарная вежливость — послать делегацию, — и этого Генсовет не выполнил. Он не выполнил четыре раза взятого на себя обязательства. Если обрежут конституцию, что тогда останется от Англо-Русского Комитета? Почему британские тред-юнионы просто не скажут: «вы — народ грубый, дружбу понимаете своеобразно, жмете руку так, что порой кости трещат; давайте разойдемся, как дети: я возьму свою куклу, отдай мне мои бабки». Ведь, и у нас после крушения всеобщей забастовки в Англии было такое положение. Были такие очень «лево» настроенные товарищи, которые предлагали нам на

том основании, что вожди Генсовета оказались дезертирами, трусами, изменниками, порвать с ними всякие отношения, покончив с Англо-Русским Комитетом. Мы должны сказать, что сами по себе вожди Генсовета нам не дороги и не интересны. Нам интересны массы, рабочие массы. Мы не смотрели на Англо-Русский Комитет, как на блок вождей. Для нас это был блок рабочих масс. Это был символ единения рабочих СССР и рабочих Англии. Почему же теперь, как будто бы при полном нежелании иметь с нами связь, все-таки Генеральный Совет британского конгресса тред-юнионов не сказал этого прямо? Почему? Когда мы решали вопрос, мы решали его в полном соответствии с массами. Мы знали, что наши массы хотят единства, мы правильно отражали политику, мы знали, что наши рабочие хотят дружбы с английскими рабочими. Мы знали, что задача лежит в плоскости оживления, активизации Англо-Русского Комитета. Мы этого хотим, этого будем добиваться. Почему Генеральный Совет отказался послать делегатов? Мы не отказывались, когда ВЦСПС командировал меня и т. Мельничанского. Если мы не попали туда, это не наша вина, а Генерального Совета, не сумевшего обеспечить себе и британским рабочим свободу в выборе политических и классовых друзей, которых ему теперь подбирает консервативное правительство, впуская одних и не впуская других. Почему Генеральный Совет не выполняет и не хочет выполнить четыре раза взятых на себя обязательств? Они не хотят выполнить элементарных правил пролетарской дружбы и вежливости — послать делегатов на конгресс — почему это? Почему просто не разорвать Англо-Русский Комитет? Потому, что английский рабочий этого

не хочет, не допустит — вот почему. Масса этого не хочет.

Преждевременно, может быть, судить, но у Президиума ВЦСПС есть большое опасение того, что эти новые, несомненные, с классовой точки зрения, ошибки, усугубляющие и усиливающие прошлые ошибки Генсовета, свидетельствуют как будто бы о желании со стороны некоторых вождей Генсовета разбить Англо-Русский Комитет, наделать еще раз непоправимых ошибок. У нас такое опасение есть. Но мы уверены в том, что рабочие Англии сумеют в этом разобраться. Если мы поставим вопрос перед собой, — ну, наша деятельность во время всеобщей забастовки, деятельность ВЦСПС несомненно ухудшила наши отношения с вождями Генсовета, — ослабила ли она нашу связь с массами, симпатии пролетариев Британии к пролетариям СССР и наоборот. И я утверждаю, и вы видите: на основании того, что английские горнорабочие вопреки Генеральному Совету послали своего лучшего представителя на конгресс, т. Кука *(аплодисменты)*, на основании этого, мы уверены, и С'езд должен сказать: с вождями... да, мало-мало отношения испортились, а с массами наша связь, наши братские симпатии несомненно укрепились во много раз.

Товарищи, кончая свой отчетный доклад, я должен еще раз повторить: мы будем благодарны за всякие указания наших практических ошибок. Вероятно, и мы наделали их не меньше других; многое не поспели сделать; многое делали не так; многое начали, но не доделали. С'езд должен нам на них указать, должен поправить, должен вынести указания, сделать выводы для дальнейшей работы будущего вами выбранного ВЦСПС. Практических

ошибок, несомненно, было много, но в одном вы не можете нас упрекнуть — политическая линия Совета была идеальна и абсолютно целиком и полностью правильна *(аплодисменты)*. Наша политическая линия выдержала экзамен в ряде колебаний, которые происходили в рядах ВКП, в ряде колебаний внутри страны, которые болезненно отразила дискуссия внутри партии. Ваш Совет не сошел с ленинской позиции, он был на правильном ленинском пути, он целиком и полностью поддерживал штаб Ленинской партии, свой Ленинский ЦК. *(Аплодисменты)*. В этом наша заслуга и в области международного профдвижения. В области общей внутренней, политической и экономической линия наша была безупречна. В этом вы не сможете нам отказать, потому что мы твердо и строго шли по пути, указанному еще перед XI С'ездом Партии покойным тов. Лениным. Каждый шаг свой мы сверяли с основными положениями ленинизма, работа наша шла рука об руку с гегемоном революции, с авангардом рабочего класса, Ленинским ЦК. *(Аплодисменты)*.

Заключительное слово.

— Товарищи, никогда не бывает таких докладов, которые бы полностью удовлетворили такую обширную аудиторию, как эта. Такова же участь и моего доклада. Некоторые товарищи считали своим долгом отметить те вопросы, которые я или тов. Догадов не касались в своих докладах. Таких вопросов они насчитали порядочно. К этому перечню я мог бы добавить еще много вопросов, о которых мы не говорили. Так, например, мы не говорили о кассах взаимопомощи, об охране труда и о прочих вещах, но мы вовсе не ставили своей задачей притти на VII С'езд и сразу всю с'ездовскую обедню вдвоем отслужить. *(Смех).*

Кто брал на себя такое обязательство? К чему такие упреки, что я не говорил об охране труда, не говорил о жилстроительстве, не касался сельско-хозяйственных рабочих? И, конечно, самой бешеной атаке я подвергся со стороны товарищей-женщин: о женщинах ничего не сказал! *(Смех).* Стали говорить, что это чуть не перемена политики, отрицание женщин, неуважение к женщине и т. д. Уважаем, и все такое прочее. *(Смех. Аплодисменты).* Но нельзя же на каждом с'езде, на каждой конференции, в каждой речи, в каждом докладе говорить по определенному плану: сказать о женщинах, упомянуть о молодежи и еще о чем-нибудь не забыть сказать. Нельзя же так.

Президиум ВЦСПС и, в частности, я, проводя линию Президиума, в своих выступлениях не раз выдвигал вопросы практической постановки работы среди женщин. Ей-ей, товарищи женщины, ни в одном словечке, сказанном по этому поводу, я не раскаиваюсь. Линия осталась все та же. Вас не забыли. Будем и впредь выдвигать, уважать; считаем вас вполне полноправными и т. д. Но нельзя же каждый раз повторять одно и то же.

То же самое относится и к претензиям молодежи, будто существование молодежи мы замалчиваем. Ну, уж эти упреки принимать всерьез совсем нельзя. О молодежи отдельно, о женщинах отдельно, — тогда вышли бы взрослые рабочие и сказали бы: а о нас ничего не сказал! *(Смех)*.

Я согласен со всем тем, что здесь предлагали: поставить на первый план работу среди женщин, удовлетворение их запросов и потребностей, поставить на первый план вопросы о большем внимании потребностям и запросам молодежи и на первый же план поставить удовлетворение запросов и уделение большего внимания взрослым рабочим мужского пола. *(Смех)*. Но все это вместе как раз то, что я говорил: больше внимания массам.

Я говорю о рабочем классе, о пролетарских массах, не отделяя ни женщин, ни молодежи, считая, что линия в вопросе о работе среди женщин у нас выявлена, что в этом отношении у нас еще далеко не все сделано, что эта работа требует не месяцев, и что успехи ее будут исчисляться годами, — все это несомненно. С одной стороны, этот с'езд свидетельствует о том, что работа среди женщин поставлена еще плоховато. Нужно продолжать работу среди женщин, ведя ее в то же время среди муж-

чин. Это показывает то обстоятельство, что количество женщин-делегаток сравнительно мало на настоящем с'езде.

Но, несомненно, есть еще и другая черта в этом вопросе, а именно та, что на этом с'езде, несмотря на свою малочисленность, женщины проявили довольно сильно свою активность. Это неоспоримый факт, при чем верхом активности в этом отношении следует считать выступление тов. Тихомировой из Ленинграда, которая напала на меня уже совсем зря. *(Смех).*

Никто вообще не думал ни в какой степени что-либо «замалчивать», как некоторые товарищи писали мне в записках, что совершенно не случайно я-де умолчал о том-то и о том-то. Но ведь я не мог расширить свой доклад беспредельно, касаясь всех вопросов.

В частности, если взять выступление тов. Тихомировой, то ее нападки ни на чем не основаны. В профессиональном движении с каждым годом делается все меньше и меньше людей, которые не понимают, что затирать женщину нельзя, что вся сила рабочего класса состоит в том, что все его части равномерно должны быть развиты, равномерно активны. Не может быть такого положения, чтобы половина рабочего класса была активной, а другая пребывала в темноте. Это понимают все. Но тов. Тихомирова взяла совершенно зря под свою защиту чужой грех. Это— частушки, изданные центральным комитетом союза текстильщиков. Это только боевой темперамент толкнул ее на это дело. Она говорила, что вот товарищ Томский будет нападать на меня, но я его не боюсь. Это — хорошо. Мы знаем, что она очень храбрая, но нельзя защищать чужое неправое дело только из-за храбрости.

Частушки, которые изданы, они, может быть, имеют смысл. Но для кого? Только для того, кто изучает теоретически быт, кто изучает русский язык, — для того эти частушки имеют ценность. Но издавать их союзу, как веселенькую литературу, — никудышное дело. Говорят, что их читают. Ну, тогда издайте полное собрание русских песен и письмовник, который в старое время издавал Сытин и который очень хорошо шел. Потом сонник тоже издайте. *(Смех)*. Вы думаете, что это не пойдет? Пойдет. *(Смех)*. По существу, если бы тов. Тихомирова прочитала эти частушки, она не стала бы их защищать. Это — антисанитарные частушки. *(Смех)*. Одна из них говорит: «Зачем было умываться, если не с кем целоваться». *(Смех. Аплодисменты)*.

Комсомол и профсоюзы.

О комсомоле. Я не знаю, кажется, не было ни одного с'езда, ни одной конференции, ни одних тезисов, где бы мы не говорили о работе среди женщин и о работе среди комсомола. Я должен с величайшим удовлетворением отметить выступление тов. Мильчакова от молодежи. Я давно не слышал от молодежи такого обдуманного и серьезного выступления, как выступление тов. Мильчакова. В данном случае это было действительно солидное выступление представителя ВЛКСМ. Но это выступление испортили некоторые другие представители молодежи. Я должен сказать, что в особенности это выступление портят кое-какие поправки со стороны молодежи к нашим тезисам.

Хорошо было бы, если бы все рассуждали и не только рассуждали, но и выступали, как тов. Мильчаков, — о необходимости совместной работы с профсоюзом, о том,

что спорами и ссорами мы не продвинем работы среди молодежи. Первый вопрос для молодежи, для комсомола, это — вопрос о работе в профсоюзах. Начинайте, пожалуйста, товарищи, работать. Вот то, что мы всегда говорим. Но вместо этого нам отвечают совершенно другое и вместо работы предлагают нам представительство. Но нам представительство не нужно, нам нужна работа. Мы хотим, чтобы молодежь работала, чтобы она практически защищала свои интересы, практически усиливала свое влияние в союзах и работала там, училась. Мы даем вам работу, даем места, работайте, сколько хотите, потому что работы — непочатый край. Но вы подменяете эту работу представительством и говорите, что вам работа не нужна, вам нужно представительство, независимо от того, будут ли ваши представители работать или нет.

Я говорил на XV партконференции и повторяю здесь, что когда пытаются наши споры о представительстве подменить тем, что будто мы не считаемся с молодежью, что мы аристократически отвергаем молодежь, что мы пренебрежительно к ней относимся, — то все это неверно. Ведь сам тов. Мильчаков и многие комсомольцы сознаются, что они очень часто меняли своих представителей, которые занимались только представительством и никакой работы не вели. Нам не представители нужны, нам нужны работники, которые могут и хотят учиться работать. Если вы желаете иметь представителей, то мы пошлем вам несколько десятков таких представителей, только платите им деньги. Мы не желаем платить деньги только за представительство. Мы говорим, что если представители будут работать, то мы их будем принимать и будем им платить. Вот как дело обстоит.

Вопрос о взаимоотношениях решается просто. Мы понимаем роль и значение рабочей молодежи. Мы не раз указывали профсоюзам, что нельзя относиться легко, без достаточного внимания к организации, охватывающей миллионные массы молодежи, что, несмотря на те или иные ошибки молодежи, это наша родная, близкая нам рабочая организация. И самой молодежи мы говорили, говорим и будем говорить, что вопрос о нашей работе решается вашей работой: поскольку вы будете серьезно, со вниманием, относиться к профсоюзной работе, поскольку не будете рассматривать профсоюзы, как чуждую вам организацию. Каждый профсоюз для комсомола должен тоже в свою очередь быть своей родной организацией, которая не может проводить какую-нибудь политику против рабочей молодежи. Это исключено самым духом, самой политикой профсоюзов, как рабочих организаций.

Поэтому не может быть речи о том, что надо посылать своих представителей в профсоюзы для проведения в них политики комсомола. Если политика комсомола есть какая-то другая политика, не политика профсоюзов, тогда это плохая политика, — ибо политика профсоюзов до сих пор была и есть политика ВКП в рабочем вопросе, вот что такое наша политика, — для проведения этой политики, для протаскивания ее через профсоюз, для этого вам и нам не нужно представителей.

Вам нужны представители для обеспечения связанной, согласованной работы одной рабочей организации с другой рабочей организацией. Мы таких представителей, которые идут работать совместно с нами для укрепления работы, встретим с распростертыми об'ятиями, а если захотят учиться, поможем всячески.

До сих пор можно было наблюдать игру представительств: сегодня один, а завтра другой. Сегодня один, а через неделю, только что человек осмотрелся в союзе — его уж сменили на другого. Так нельзя подходить к вопросу. Речь тов. Мильчакова дает основание надеяться, что лучшая часть молодежи, ее руководящие верхи, начинают понимать, как нужно работать в профсоюзе.

Я думаю, что все эти разногласия с молодежью скоро останутся далеко позади. Я не считаю особенно спорным и принципиальным вопрос о том, с 14 лет принимать в профсоюз или с 16 лет. Мы, когда решали этот вопрос, исходили из положения, что нет права без обязанностей, что профсоюз, предоставляя каждому члену союза права, налагает на него известные обязанности, известную ответственность. Мы считали, что 14-летней молодежи права можно предоставить, но обязанностей возложить на них нельзя. А в недрах одной рабочей организации не может быть полноправных и полуправных членов союза. Вот почему мы исходили из того, чтобы включать в союз 16-летних, тем более, что это следует и из Кодекса Законов о Труде. Но если это является для комсомола таким трудным приниципиальным вопросом, если они непременно хотят, чтобы с 14 лет принимались в союз, если они непременно хотят, чтобы мы это отменили, то, если С'езд найдет нужным отменить, ни я, ни Президиум ВЦСПС не будем огорчены.

О безработице.

Товарищи указывали, что я не сказал о безработице. Я понимаю, когда на эту трибуну выходили один за другим люди с мест и говорили: о том-то и о том-то не сказал.

Но когда выходят ответственнейшие представители, лидеры профессионального движения, и говорят: а вот Томский не сказал о безработице, — как это сделал т. Козелев, — это немножечко неудачно.

Вы знаете, что отдельным вопросом порядка дня стоит вопрос о безработице. Вы знаете, что я не обязался сразу отслужить всю профсоюзную «обедню» одним выступлением. Вы, члены Пленума ВЦСПС, вы ответственны за работу ВЦСПС, и я, отчитываясь перед С'ездом, отчитывался и за всех членов ВЦСПС, за весь ВЦСПС вкупе, а не за одного себя, ибо отчет мой есть отчет Пленума ВЦСПС. Я понимаю, если бы член ВЦСПС вышел и сказал: вот мы ставили такие-то вопросы, Президиум отверг, мы остались в меньшинстве, мы недовольны этой политикой. Это было бы понятно. Но нельзя так легко бросать обвинение, что ВЦСПС не уделил достаточного внимания вопросу о безработице.

На Пленуме ВЦСПС отдельным пунктом порядка дня у нас ставится вопрос о безработице, выносятся решения по этому вопросу. Проходит 3 месяца, мы опять создаем комиссию по безработице в свете новых событий, даем продолжительный срок работы. Комиссия работает, выносит ряд практических предложений, изучает материал, вносит предложение в правительственные учреждения, и это служит материалом для партии и для органов Соввласти.

На XV партконференции и в своем докладе специально останавливаюсь на вопросе о безработице, выдвигая его во главу угла. И после всего этого тов. Козелев вышел и сказал, что ВЦСПС недостаточно внимателен к вопросу о безработице. И вышел с цифрами в руках,

что всего в октябре было столько-то безработных, а в апреле столько-то, и вот как выросла цифра безработных. Но если мы возьмем цифры октября и апреля за 2—3 года, то увидим, что это закон природы. В октябре сезонные рабочие снимаются с учета и уходят по деревням, а в апреле они приходят, становятся на учет, но на работу еще не вступают. Кто этого не знает? Это постоянное сезонное колебание, и как можно играть так цифрами? И после этого говорят, что растет количество членов союза и растет количество безработных. Кто в этом виноват? Опять ВЦСПС?

Член ЦК металлистов говорит, что у нас промышленность плохо развертывается, и оттого растет количество безработных. Я не хочу сказать, что ЦК металлистов плохо работает в области борьбы с безработицей, — это один из лучших союзов, — но нельзя все грехи валить на нас.

В частности, о росте безработицы среди металлистов. Вдумайтесь в эти цифры. Металлопромышленность развивается, а безработные металлисты оказываются на рынке труда. Это происходит, между прочим, потому, что на заводах идет борьба с прогулами, а на металлических заводах она проводится еще строже. Вот этого-то обстоятельства забывать нельзя. Мы не следим так строго за членами профсоюзов, мы не заявляем им, что не имеешь работы— давай обратно членскую книжку. Они, как безработные члены союза, идут на биржу труда. И нельзя так подходить к вопросу о безработице. Вот будет стоять доклад Наркомтруда, в котором будет уделено много места безработице, там будет и об охране труда; там и выступайте, пожалуйста, покажите, плохо мы работали или нет в

области борьбы с безработицей. Но кто думает, что безработицу можно легко руками развести, тот глубоко ошибается.

Здесь выступал представитель союза сельхозлесрабочих, тов. Казаков, и выдвигал вопрос о деревенской с.-х. безработице. Я предупреждаю всех, кто думает расширять понятие безработицы в сторону так называемой сел.-хоз. безработицы, что они грозят утопить весь вопрос. Что такое за термин, который пустили в оборот, — «сельскохозяйственная безработица»? Я утверждаю, что у нас зимой в СССР десятки миллионов людей страдают безработицей. Уберутся с летними работами, ложатся на печку и лежат. Тоже безработица. Если вы попробуете организовать пункты, начать регистрацию, социальное страхование, так в деревне безработных у нас будет миллионов 25, наверное. Каждый день будут приходить регистрироваться. К таким вопросам нужно подходить очень осторожно.

Неосновательные жалобы.

Я особенно хотел бы коснуться ряда выступлений представителей неиндустриальных союзов, которые здесь, по моему впечатлению, устроили маленькую демонстрацию, ненужную демонстрацию и неправильную. Застрельщиками и идеологами этих выступлений явились т.т. Бахмутский и Долинко. Отдельно пару слов тов. Долинко. Тов. Долинко в своем выступлении, я бы не сказал, что очень удачно позволил себе явно недопустимые, грубейшие выпады по отношению к ответственным работникам и представителям ВЦСПС в высших государственных учреждениях. Он пустил такое словечко, что в Совнар-

коме у ВЦСПС такие представители, которые только по ставке являются ответственными работниками, которые только по ставке являются представителями. Это неверно: те, кто являются нашими представителями в высших государственных органах (в частности, в СНК наш представитель — тов. Толстопятов — известный профессиональный работник), не подходят под ваше определение. Тов. Долинко многому мог бы поучиться у наших представителей, бывающих в СНК и в других высших органах.

Первое дело — это не бросать легкомысленных словечек. Бросают обвинения, что ВЦСПС в своих выступлениях в СНК по распределению государственного бюджета ни с кем не совещался. Создается впечатление, что ВЦСПС угнетает эти несчастные ЦК союзов, ни с кем не считается. Тов. Луговой выступал и говорил о политике и тактике ВЦСПС, но когда я спросил примеров, их у него не оказалось. Вместе с тем он пытался доказать, что в ВЦСПС находятся люди, которые угнетают ЦК. Ведь половина президиума ВЦСПС состоит из ЦК: каждый председатель и секретарь союза и каждый член президиума ЦК имеет право доступа и право совещательного голоса на каждом заседании Президиума ВЦСПС. Вы думаете, что это какое-то оторванное от ЦК и закрытое учреждение? Президиум ВЦСПС заседает совершенно открыто. Каждый, кто приходит, имеет совещательный голос; если этим правом не пользуются, то, очевидно, только потому, что лень ходить. А после этого приходят и заявляют С'езду, что ВЦСПС угнетает ЦК непроизводственных союзов. Неверно это.

А вот что заявляет тов. Толстопятов по поводу жалоб тов. Долинко и др. Я верю тов. Толстопятову. Вот что он

пишет: «Мы еще в марте предложили всем ЦК союзов, члены которых получают зарплату по госбюджету и местному бюджету, принять активное участие в разработке смет по соответствующим наркоматам и представить в ОТЭ ВЦСПС материалы и предложения ЦК союзов. ЦК в мае начали представлять свои заявки на зарплату. По этому вопросу в ОТЭ, вместе с ЦК, состоялось несколько заседаний, на которых мы пытались увязать и согласовать требования отдельных ЦК, так как с заявками ЦК выступать на заседании Совнаркома было абсолютно невозможно, ибо эти заявки не только не были согласованы, но они ни с какой стороны не оправдывались: ни общей линией, взятой ВЦСПС в вопросе о повышении зарплаты, ни состоянием госбюджета. Общая сумма зарплаты на 1926—27 г., по сравнению с 1925—26 г. должна была бы быть увеличена по заявкам ЦК на 40%, а рост бюджета предполагался только на 7%, а вместе с местным бюджетом — на 13—15%».

Вот как обстояло дело. Потрудитесь оспорить это деловым образом. Кто прав и кто виноват: не виновны ли те, которые приходят голословно заявлять, что с ними не совещались? И после этого вы бросаете огульное обвинение представителям ВЦСПС. Насчет чего другого вы можете нас упрекнуть, но насчет того, как у нас подобраны работники для инструктажа, для инспекции, для представительства, я могу сказать, что это — неплохие работники. Через наши руки проходит очень много работников, мы худших себе не оставим: не враги мы себе.

Здесь были заявления такого типа: наши, дескать, комиссариаты—Наркомздрав и Наркомпрос—идут нам навстречу, но они ничего не могут сделать, потому что

они — приказчики у Наркомфина, а ВЦСПС вас не поддерживает. Да, ВЦСПС не может поддерживать политику, которую вы очень часто проводите. Когда вы приходите к наркомам, они говорят: «Мы рады сделать, да вот ничего не можем поделать; а вот вы нажмите на ВЦСПС, чтобы ВЦСПС выступил за увеличение нашего бюджета». Мы такой политики не ведем. Легко быть добрыми за чужой счет, и тем, кто пытается вас облагодетельствовать, говоря — «пусть ВЦСПС вас поддержит», — это дешево стоит. Здесь выступали товарищи и говорили: мы то-то и то-то просили, мы клубы просили — ВЦСПС нас не поддержал, мы внесли такое-то предложение — ВЦСПС нас не поддержал; — я говорю: ВЦСПС никогда не был и не будет бесконечным ходатаем по всяким просьбам и требованиям, ибо ВЦСПС есть такая организация, которая, поддерживая какую-нибудь просьбу или ходатайство, должна точно указать, откуда взять на это деньги. Если мы говорим: повышайте зарплату таким-то категориям, то мы должны сказать, откуда взять средства. И многие необоснованные, несерьезные, неделовые предложения мы просто отказываемся поддерживать.

Тут говорили, что мало внимания уделяется неиндустриальному пролетариату. Ставят вопрос так, что есть злой и очень богатый ВЦСПС, у которого денег очень много, от которого все зависит, у которого вся власть в руках, — и вот он не хочет нам дать. В действительности же дело не так обстоит. ВЦСПС, это — сторона, которая выступает по отдельным вопросам ходатаем перед правительством, в определенных рамках, рамках очень узких, ибо денег у государства очень мало. И когда ВЦСПС приходится говорить о том, что такой-то кате-

гории нужно прибавить, то всегда приходится говорить, кому не прибавлять, а кому убавить. Не можем мы выступить и сказать: вот прибавьте, допустим, медицинским работникам. Скажите, а кому тогда не нужно прибавлять, где убавить? Металлистам убавить? Текстильщикам убавить? Укажите, где убавить?

Если бы эти товарищи пришли и сказали: вы общий фонд увеличьте, денег прибавьте, — это было бы еще понятно. Нужно было выйти сюда и сказать: горнякам надо дать не 9%, а 4%, металлистам не 5%, а 2%, а за этот счет получится такая-то экономия, дайте ее тем-то и тем-то. Вот как надо было выступать! Как будто бы, кроме того, что мы распределяли, есть дополнительные деньги! Их нет. В данный момент идет политика выравнивания заработной платы; надо было знать, где выравнивать. Мы пошли на повышение заработной платы в индустриальных союзах. Что отсюда вытекает? Надо или не надо в дальнейшем работникам просвещения, медицинским работникам подымать заработную плату? Нужно. Но вопрос — можно ли это было сделать в данный момент или нельзя, и если можно, то за чей счет? Этого вы не указали.

Мы не раз говорили и отвечали и медицинским работникам и работникам просвещения, когда они приходили и требовали: «Когда вы говорите о повышении зарплаты, скажите в резолюции о том, что, в первую очередь, нужно поднять ее медицинским работникам и работникам просвещения». Мы отвечали им: вы думаете, что хоть на копейку прибавится заработная плата, если мы в резолюции это укажем? Не резолюция определяет наше поведение, а реальные фонды.

Основательно жаловались также на распределение фонда жилищного строительства. Мало сказать, как говорили донбассовцы: «Нам мало дали». А кому много дали? Кто доволен? Никто не доволен. В пять раз больше надо было бы ассигновать денег, тогда, может быть, хватило бы, и то не наверно. Кто доволен? Пусть поднимут руки. Ленинград доволен? Нет. Москва довольна? Нет. Кто же доволен? Никто. Почему? Денег мало.

Несколько слов о мелких выступлениях. Многие товарищи выходили на трибуну С'езда и по отчету ВЦСПС говорили о своих очень, может быть, больших нуждах. Я понимаю: у кого что болит, тот про то и говорит. Я понимаю представителя батраков, представительницу работниц с плантации, которая здесь с большим пафосом жаловалась на свое экономическое положение. Это действительно у них наболевшее. Но все это учит и кое-чему другому. Почему мы не слышали от металлистов жалоб на тяжелое положение? Почему железнодорожники говорили об общих вопросах рабочего класса, о задачах производственных совещаний? Почему металлисты говорили об общих вопросах, о строительстве профсоюзов? Почему текстильщики выступали и говорили об общих вопросах? Вот почему мы говорили и говорим: мы должны вести по отношению ко всякой группе членов союзов одинаковую линию, поддерживая и помогая отсталым слоям рабочих, но внутри рабочего класса основным кадром пролетариата является индустриальный пролетариат.

Эти выступления свидетельствуют в известной части об отсталости, ибо странно на рабочий с'езд профсоюзов приходить и жаловаться, что тяжело той или иной категории живется. Как будто не знает этого С'езд, где,

вероятно, больше 80% рабочих. Как будто этого не знает ВЦСПС, который тоже на 80% состоит из рабочих. Как будто не знает этого Президиум ВЦСПС, на 100% из рабочих состоящий. Как будто мы этого не знаем! Лично я не видел еще ни одного вида труда, — там, где действительно трудятся и работают, — такого труда, который был бы приятен, легок, безвреден, безопасен. Таких «трудов» я не видал. Нет такой работы. Всякий труд несет в себе элементы опасности: он либо грязен, либо нездоров, либо беспокоен, либо изнурителен, либо утомителен, потому что он есть труд. Говорят о том, что тяжело живется... Мы знаем, что до социализма мы далеко еще не дошли и о равенстве говорить не приходится. Когда более ответственные люди в пылу агитаторского красноречия слишком легко говорили о равенстве, мы их одергивали и жестко одергивали. Рано о нем говорить. К нему мы идем, оно будет, когда мы построим социализм, когда придем к полному, развернутому виду его. Пока равенства никто гарантировать не может и никто не может еще его дать.

Конечно, каждый имеет полное право на трибуне пожаловаться на свою долю, рассказать, как тяжело живется, но я спрашиваю: вы думаете, железнодорожники и металлисты молчали потому, что им легко живется, что они довольны заработной платой? Нет таких людей, которые были бы довольны своей заработной платой, и пока существует заработная плата, таких не будет. Нет таких рабочих, которые были бы своей заработной платой довольны и не хотели бы получать больше. Это первое. А не говорили они потому, что знают, что мы еще бедны, и что всем тяжело живется, а равенства сейчас еще не выйдет.

Тов. Казаков выступал здесь от союза сельхозлесрабочих и жаловался. В его словах тоже звучала жалоба — не уделяли достаточно внимания союзу сельхозлесрабочих. Я уже говорил о сельско-хозяйственных рабочих. Мы говорили о них на всех с'ездах и в тезисах они есть. Нет, говорит, почему в резолюции этого нет? Хотя я и говорил о них на всех с'ездах, тов. Казаков хочет, чтобы я говорил о них отдельно и на VII С'езде. Если бы я говорил о них, мне бы сказали: почему вы не говорите об индустриальном пролетариате? Союз сельхозлесрабочих не может жаловаться, что мы его не поддерживали. Мы его поддерживали, поддерживаем и еще долгое время будет поддерживать, и арифметика тов. Казакова весьма сомнительная. Он говорит: мы, бедный профсоюз, платим межсоюзным об'единениям 300 тысяч рублей. Давайте, тов. Казаков, посчитаем: сколько вы получаете от всяких организаций, и баланс будет, пожалуй, не в вашу пользу, пожалуй, вы меньше даете, чем получаете. Нельзя жаловаться, что мы плохо поддерживали союз сельхозлесрабочих. Мы его поддерживали и будем поддерживать, а если были ошибки, то будем исправлять. Сердиться на это нечего. Вы приходите и говорите: «давайте учитывать, регистрировать сельско-хозяйственную безработицу». Мы тоже говорим: не хотим безработицы, но давайте сперва с городской справимся. Бросать такие слова, как «пренебрежительное отношение к сельско-хозяйственным рабочим со стороны городских рабочих» — это неверно. В первую очередь, кого мы должны обеспечить работой и трудом? Настоящий, чистейший пролетариат, у которого нет ни кусочка надела, никакой собственной крыши, — городского, фабрично-заводского пролетария.

Почему тов. Мельничанский несколько раскрыл ворота для не-членов союза? Не забывайте того положения, в каком очутились дети рабочих. Ребенок вырос, подрос, перерос. Он хочет поступить на завод. Ему говорят: «Ты не член союза». А в союзе говорят: «Ты не работаешь». Но он — наследственный пролетарий, ему другого пути нет. Куда же ему итти, как не на фабрику или завод? Всем своим происхождением он обречен на это. Он опять идет на фабрику, а ему опять говорят: «Ты не член союза». Мы всегда говорили, что рабочим нужно, в первую очередь, обеспечить право поступления на фабрики и заводы. Мы считаем, что это совершенно правильно. Мы, конечно, должны поддерживать все те мероприятия, которые направлены к усилению трудоемкости, к переселению избыточной рабочей силы в деревне — это правильно. И мы точно также не можем относиться враждебно к тем рабочим, которые приходят на завод или на фабрику из деревни. Это абсолютно ясно. Поэтому я говорю, что то, что сказал тов. Казаков, он выдумал, и жалоба тов. Казакова — жалоба выдуманная.

Нам здесь приходится вносить поправки. Совершенно правильно, что союз сельско-хозяйственных рабочих является базой в деревне. Это — угол, отряд пролетариата, который вдвинут в среду крестьянства. Здесь особые опасности. Мы уже не раз предупреждали и еще не раз будем предупреждать об излишнем разбухании союза за счет непролетарских элементов. Слишком слаб актив, слишком слаб учет, и бывают такие случаи, что проработал человек месяц-полтора, и уже член союза. Мы не проверяли, но говорят, что есть такие деревни, где все поголовно — члены союза, и стар и млад. *(Смех)*. Мы против этого

выступаем, мы это поправляли и будем поправлять. Не надо разбрасываться, — не справившись с безработицей в городе, лезть в деревню сейчас, искать там безработицу сезонного характера. Это нам не под силу, это нам не по средствам.

О секциях.

Вопроса о секциях касались меньше всего. Я разделяю те сомнения, которые тут выражались некоторыми товарищами о том, что может случиться такая вещь, что эти секции будут замаринованы. Я касался этого и в докладе. Ну, что же, мы вместе, с общими силами, будем бороться против этого, чтобы этого не случилось. Остальные возражения сводились к тому, что якобы секции поведут к росту аппарата. Поводов для расширения аппарата можно найти достаточно, а нам нужно поставить вопрос так, чтобы это не повело к расширению аппарата. Ни я, ни Президиум ВЦСПС не ставим так вопроса и не предлагаем принять решение о том, что секции необходимы и обязательны. Нет, мы ставим этот вопрос в принципиальной постановке, мы ставим вопрос о полезности секций.

О „мелочной“ опеке.

Неправ совершенно тов. Луговой, когда он говорит об опеке. А вот тов. Кроль привел два факта в подтверждение своих слов. Первый факт — это о 14-летках, а второй факт — о том, что когда союз пищевиков вместо 25 коп. стал брать 50 коп., то ВЦСПС одернул его по этому «мелочному» вопросу. Вы считаете этот вопрос мелочным, а мы как раз его мелочным не считаем. Вопрос о членских взносах в клубах — это есть вопрос о поста-

новке массовой культурной работы. Скажите, кому под силу платить 50 копеек? Если мы повысим на 25 копеек членские взносы, то мы можем отсечь целые слои отсталых рабочих от клуба. Часто за гривенничками да за пятиалтынными кроется такая политика, которая может дать очень дурные результаты. Повысьте-ка вы на 25 копеек членский взнос, повысьте-ка вы на 25 коп. плату за вход в клубы, и у вас в этих клубах останутся только квалифицированные рабочие, а остальные рабочие будут от клубов отсечены. Вот тут-то мы видим, что разница между 25 и 50 копейками вырастает в принципиальную разницу. Вы считаете, что это пустяки, а мы считаем, что это весьма серьезный вопрос.

Вопрос о дополнительном обложении. Некоторые товарищи говорят, что можно повысить членские взносы на полпроцентика, а мы говорили — нет, ибо это есть принципиальный вопрос. Один повысит на полпроцентика, другой тоже повысит на полпроцентика, а рабочему-то будет и не по карману. Вы видите, что это — очень простая финансовая политика. Вот вам два фактика, которые приводятся, как пример опеки ВЦСПС и мелочного его вмешательства в жизнь. Это все, товарищи, преувеличение. Если тов. Кроль говорит, что он отказывается от того, чтобы каждое решение ВЦСПС предварительно поступало на обсуждение низовых организаций, если тов. Кроль так развивает свою статью, тогда и спорить не о чем; но когда он говорит «ограничить права ВЦСПС», то это — другой вопрос. Скажите, пожалуйста, воспользовались ли мы теми правами, которые были даны ВЦСПС? Нет, ими еще полностью не пользовались.

Когда мы видим, что та или другая организация хромает, мы всегда старались всеми силами подкрепить ее, никогда не прибегали к методу роспуска организации, к репрессиям и т. д. Но если приходит тов. Кроль и говорит об опеке ВЦСПС над некоторыми центральными комитетами, то нужно ответить, что некоторые из них следует еще опекать. Если нам приходилось совать нос в книги центральных комитетов для того, чтобы посмотреть, в каком порядке находятся их фонды, если нам приходилось вытаскивать на свет божий их книги, то это вызывалось необходимостью, и это была правильная политика. Когда я прихожу в союз и говорю, что ты истратил на командировки много, что ты расходуешь не так, как надо, то разве это неправильно?

(Кроль: «Про нас этого не скажешь»).

Самая худшая опека, это — когда заглядывают в карман. *(Смех).* Кто этого не понимает? Это понимают все. Я про тебя, Кроль, этого не говорю. Когда к тебе пришли, ты мог сказать: «смотрите», потому что у тебя все правильно, а вот те, у которых не все благополучно, считают это неприятной опекой. Когда придешь к тому, у кого все хорошо и благополучно, то эта политика считается правильной, и там все можно смотреть; а вот, когда придешь к тому, у кого не все правильно, то говорят, что это «кривая политика», вмешательство в чужую жизнь. Самая неприятная опека—это, когда в кошелек заглядывают, когда не дают тратить так, как хочется. Когда говорят: «не смей брать отсюда, а бери отсюда». Пусть тов. Луговой скажет, что это политика неправильная.

(Кроль: «Разве текстили сказали, что это неправильно?»).

Те, кого это касалось, говорили, что неправильно. Когда товарища Лугового спросили о фактах, то он не привел ни одного факта. Когда тов. Луговой стал говорить о политике ВЦСПС, то я был очень удивлен; тов. Луговой — член ВЦСПС, бывает почти на каждом заседании Президиума ВЦСПС, — и мы никогда не слышали, чтобы он хоть раз сказал: «Политика нехорошая, исправьте ее так-то и так-то». Мы этого от него никогда не слышали. Посидел, посидел он здесь, оглянулся за два года назад и говорит: «Политика нехорошая». Когда его спросили: «Где ваши факты?», он ответил: «У меня нет сейчас фактов». Не имея фактов, бросать высшему профессиональному органу голословное обвинение — это плохое выступление, это плохой пример молодому активу. Нельзя без фактов выступать. Не так надо относиться к работам С'езда.

Что такое централизованный план?

Товарищи, которые выступали по вопросу о плановой политике в заработной плате, нечаянно, очевидно, напутали, одни немножко, другие уже слишком много. Тов. Беленький Захар, когда выступал, стал критиковать централизованное плановое повышение заработной платы и смешивал это понятие с централизованным управлением. В этом его ошибка. Это совершенно разные вещи. Что такое план и что такое управление? Что план есть приблизительная наметка — это верно. План не есть полная детализация. Что план может быть централизован — это бесспорно. И когда тов. Беленький говорит, что нельзя централизацию доводить до чортиков, то он тоже прав. Но это уже совершенно другая централизация.

Это управленческая централизация. Можно быть сторонником централизации в области плана и сторонником децентрализации в области управления.

Мы одобряли и поддерживали все шаги, направленные к предоставлению большей хозяйственной самодеятельности отдельным хозяйственным единицам. Что значит хозяйственная самодеятельность? Да то, что надо было изменить условия, при которых трест не мог купить лишней сажени дров, если она не была предусмотрена планом, который был разработан производственным отделом этого треста и ВСНХ. Это административная централизация, это управленческая централизация, но не плановая. А что такое плановая централизация? Это то, что в общих чертах устанавливается, что металлопромышленность должна дать столько-то миллионов пудов чугуна, при чем этот план разбивается таким образом: Уралу — столько-то, другому — столько-то и т. д. Соответственно этому устанавливаются топливные планы, заработная плата и т. д. Но когда Урал получает план, он разбивает его по отдельным уральским комбинатам и отпускает каждому комбинату определенные средства в соответствии с его производственной программой. Централизация может дойти до чортиков, если мы скажем, что трест не может купить ни одного лишнего фунта, ни одной сажени дров, которые не были бы предусмотрены в плане. Это будет управленческая, никудышная централизация.

Кто станет отрицать, что отказ от централизованного плана и переход к «самодеятельности» чреваты опасными последствиями, ибо это бьет по рабочему классу? Когда одно время стали проявлять самодеятельность и пускать своими силами целые заводы, то в результате получилось

то, что заработной платы нельзя было выплатить. Сегодня в порядке такой самодеятельности пускают завод и развертывают большую работу. Завтра нет средств: рабочих — за ворота, «лавочку» закрывают, а заработная плата не выплачена. Никто не возражает против самодеятельности, но надо сделать так, чтобы эта самодеятельность не ударила по рабочему классу.

Плановое регулирование зарплаты не есть государственное нормирование.

Если тов. Беленький смешал разные вещи, то тов. Лев Гинзбург целиком оправдал ту рекомендацию, какую он дал себе в своем выступлении. Гинзбург заявил: когда здесь выступал Томский, то он говорил о профессионалистах, у которых мозги спутаны. Таким профессионалистом являюсь я. *(Смех)*. Действительно так. Товарищ Лев Гинзбург выставил здесь неправильное утверждение, хотя ему грешно было об этом говорить, грешно потому, что он один из больших работников в области нормирования заработной платы, в области тарифной работы, ибо он несколько лет сидел заместителем заведующего ОТЭ ВЦСПС. Он выходит здесь и выступает против нормирования заработной платы. Доказал ли он, что плановое повышение зарплаты является государственным нормированием? Нет, не доказал и не мог доказать, ибо государственным нормированием заработной платы называется такое положение, когда для каждой данной профессии, данной должности даны определенные ставки. И когда вы говорите, что вот у служащих есть государственное нормирование, тогда вы правы. Да, у служащих это есть. Правда, не в ясно выраженной форме, чего-то еще не хва-

тает. Но все же это государственное нормирование. Плановое же повышение заработной платы не есть государственное нормирование, и ваши ссылки на государственную комиссию, которая будто бы все предусмотрела и лишила всех инициативы, являются неправильными, тов. Гинзбург.

Я взял все протоколы, за все время работы этой комиссии из Наркомтруда. Что они собой представляют? Есть ли во всех этих работах комиссии хоть намек на то, что предусмотрено каждое предприятие, ставки и т. д.? Ничего подобного вы здесь не найдете. Вы видите, как здесь написано. Зачем же вы пугаете, кого вы пугаете? Но кроме этих протоколов этой комиссии, существуют ли какие-нибудь другие постановления правительственной комиссии по заработной плате? Укажите мне их? Вы их не укажете, потому что их нет. Вот вам работы правительственной комиссии. Зачем вы пугаете государственным нормированием? Эта комиссия занималась только тем, что она определяла, сколько нужно дать металлистам, входящим в план. И когда приходил тов. Кроль и говорил: «прибавьте столько-то рабочим на махорочной фабрике», то комиссия обсуждала, может ли она прибавить, поскольку махорочная фабрика в план не входит.

Какова была история последнего повышения заработной платы? Дело происходило таким образом. В мае месяце был поставлен оппозицией внутри ВКП вопрос о повышении заработной платы, но мы считали это гибельной политикой. Об этом я уже говорил. В нашей стране ресурсы государства в значительной степени зависят от видов на урожай. Примерно, в августе месяце,

когда стали вырисовываться виды на урожай, мы поставили перед правительством вопрос о повышении заработной платы рабочим и служащим, поставили общий вопрос о повышении заработной платы. Была создана комиссия Совнаркома для разработки этого вопроса. Здесь тов. Гинзбург говорил: почему повышение заработной платы не включить в общий план наравне с сырьем и топливом? Да потому, что вопрос о заработной плате является сугубо политическим вопросом, он касается миллионов людей, которые кричат, которые волнуются, которые хотят пить и есть. Нужно учитывать взаимоотношения между различными слоями этих миллионов. Вот почему этот вопрос не мог решаться так просто, как решался вопрос о сырье или о топливе. Не понимать политической разницы между регулированием заработной платы, касающейся миллионов рабочих, и вопросами о топливе, сырье и т. д., — это значит слишком схематически подходить к вопросу. И если здесь тов. Гинзбург, один из грамотнейших профессионалистов, не понимает этого, то не потому, что он действительно не понимает, а потому, что есть очень много крупных профессионалистов, которые поступают таким образом, что берут предвзятую идею: «Сие есть государственное нормирование», и к этой идее подбирают соответствующую аргументацию. Но сие не есть государственное нормирование! У служащих есть государственное нормирование. Но здесь этого нет. Это не одно и то же. Зачем же говорить, что это одно и то же? Зачем говорить, что кого-то лишают свободы заключать договоры. Пожалуйста, при плановом повышении вы будете иметь полную свободу заключать договоры у себя в Сибири и добиваться каких хотите

условий труда. Если вы говорите о дополнительных договорах, заключайте тоже, сколько хотите.

Но есть черточки другого характера в среде самих профессионалистов. На почве свободных коллективных договоров они сами фактически идут по дорожке к государственному нормированию. Чем недовольны наши профессионалисты? Что они говорят? Одни говорят: «Какой это коллективный договор, когда ВСНХ дает директиву своим хозяйственникам, а те их проводят и не идут на уступки». Другие говорят: «Не хотят хозяйственники отчислять на то-то или то-то, нельзя ли их заставить?» Вот вам и свободный договор! По какой это вы дорожке идете? Мы, мол, можем сплоченно выступать и на хозяйственника нажимать, можем от ЦК союзов получать директивы, и ЦК союзов имеют право давать директивы, это их обязанность. А вы, вот, хозяйственники, не смейте перемигиваться и директивы давать; если мы будем пред'являть требования, вы обязаны их выполнять. Такая линия сводится к тому, чтобы запретить хозяйственникам давать директивы. Но мы не можем лишить хозорганы права давать директивы по зарплате. Мы что должны делать? Давать совместные директивы, иначе будут односторонние директивы, или будет драка. Товарищи сбиваются, говорят: «Вот хозяйственники перестают отчислять на культработу». Злые хозяйственники эти самые. Так ведь на что сбиваются эти товарищи? А на то, что нельзя ли хозяйственников государственным порядком заставить давать на культработу. Они потом будут говорить: «Вот мы вам какую культработу даем». Но не на свои средства. Я два года тому назад предупреждал ленинградских рабочих, что год от году будет все меньше и меньше отчислений на культ-

работу и прочих видов накладных расходов на зарплату, ибо когда хозяйственник говорит: «Я лучше дам вместо них непосредственно прибавку рабочему», то он рассуждает правильно. Почему? Потому, что каждая прибавка к заработной плате повышает производительность труда. Когда говорят, что культотчисления являются накладным расходом на зарплату, то это имеет некоторые основания. Это не совсем одно и то же, потому что культурнообслуживаемый рабочий, это — не темный рабочий, и производительность его труда гораздо выше, но все же нам нужно строить свою политику в области культработы так, что через 2 - 3 года мы должны будем вести всю культурную работу на свои средства. Когда говорят: заставить хозяйственника отчислять на те или другие нужды, — слышатся ведь такие слова, — то это по дорожке к государственному нормированию.

Необходимо ли государственное нормирование зарплаты служащих?

Служащие вопят: «нас подвергли государственному нормированию зарплаты, нас обидели». Тов. Гегечкори говорит: «не одобрять этой политики». Товарищи, нельзя подходить к этому вопросу с такой точки зрения, что раз это государственное нормирование, значит это плохо. Почему это плохо? Мы должны себя спросить: в интересах ли рабочего класса в целом это государственное нормирование, в интересах ли оно государственных служащих или даже большинства их? Если мы ответим на этот вопрос, что для служащих это невыгодно, а для рабочего класса в целом выгодно, то мы должны одобрить государственное нормирование. Пусть для отдельной группы это

будет не выгодно, а для класса в целом выгодно. В этом-то и суть классовой политики, что все групповые, цеховые интересы должны подчиняться классовым интересам. В данном случае — почему выдвинута идея государственного нормирования? Потому что мало говорить и болтать о том, что нужно бороться с бюрократизмом, бороться с накладными расходами, бороться с неимоверно раздутым аппаратом, когда этот аппарат ползет через все поры, когда заработок служащих центральных учреждений непомерно высок, растет непомерно высоко, когда в некоторых учреждениях машинистка получала по 140 руб. в месяц. Правда это, или нет? *(Голоса: «Правда. Больше даже!»)*... Когда 50 и 55% служащих оказывалось в разряде незаменимых работников, оплачиваемых по спецставке. Правда это, или нет? Правда. Все это правда. Когда штат в 500 человек сегодня увольняют, а завтра принимают 800, разве это не правда? Как же вы думаете с этим бороться и нужно ли бороться? Нужно бороться. Почему? Потому что это все происходит за счет общего благосостояния страны и благосостояния рабочего класса, в частности. А можно ли бороться с этим злом словами, циркулярами, не предпринимая каких-либо конкретных реальных организационных шагов? Разве это борьба против интересов всех служащих, если мы боремся против интересов той части служащих, которая, как я говорил, находится ближе к солнцу? Тут говорили, что я одобряю эту политику. Я только констатирую факт и против физики не спорю,—и только. Скажите, пожалуйста, вы, представляющие не-индустриальные союзы. Разве неправда, что у «обиженных» комиссариатов,—возьмите Наркомпрос, Наркомздрав, — служащие аппарата получают больше,

чем оперативный работник, учитель, врач? Правда. Разве неправда, что служащие центральных учреждений получают больше, чем служащие местных учреждений всех комиссариатов? Правда. Вот почему стал вопрос о государственном нормировании зарплаты служащих. Как же мы будем бороться с этими безобразиями, если не проведем стройную систему оплаты труда служащих, которая лишает отдельных руководителей ведомства права, во-первых, набирать штат больше, чем полагается, и, во-вторых, давать ставки более высокие, чем это предусмотрено? Есть ли другие методы урегулирования вопроса зарплаты служащих? Почему вы нам их не сказали? Пусть кто-нибудь скажет, что наши предложения в этой области направлены против интересов рабочего класса, что они идут не по линии борьбы с бюрократизмом. Никто не может этого сказать. Конечно, возможно, что на первое время тут пострадают чьи-нибудь интересы, но в общем и целом служащие выиграют. Можно ли сказать, что служащие, которые работают в уисполкомах и волисполкомах, в конечном счете не выиграют от этой политики? Несомненно, выиграют. Никто противного не докажет. Вот почему мы здесь открыто и прямо говорим: это есть государственное нормирование, но оно вызвано необходимостью борьбы с бюрократизмом. Когда говорят, что после этого союзу служащих делать нечего, то верно ли это? Не верно.

Разве в госаппарате нет элементов протекционизма, неправильного увольнения, подхалимства, лакейства, чинопочитания, низкопоклонничества? Разве этого нет? Разве с этим союзу не нужно бороться, разве это не богатое поприще для работы союза? Разве задача союза не

заключается в том, чтобы изжить с корнем эти явления? Вы говорите, что вам делать нечего? Я боюсь, что вы еще не подошли к этой работе. Разве союз служащих, охватывающий культурную часть пролетариата, выдвинул нам такие широкие слои культурных работников для разных отраслей культурной деятельности, которых мы от него вправе ожидать? Союз служащих дает нам мало актива для общественной деятельности, для общественной работы. Поэтому вы абсолютно неправы, когда говорите, что вам при госнормировании зарплаты служащих делать нечего.

Вы жалуетесь, что у вас нет авторитета, не ходят на ваши собрания. Значит, вы не умеете их поставить, плохо подходите к воспитанию своих членов. И я думаю, что тут, когда тов. Гегечкори и другие плачут, что их обижают, — они отражают до некоторой степени настроение московских служащих, хорошо оплачиваемых, а не широких слоев служащих, которых этим госнормированием не испугаешь и которые будут радоваться, что их ставка будет определяться в центре. Тогда эти ставки будут немного больше, чем если бы они определялись на местах.

Голословная критика.

Я не стану больше останавливаться на политике ВЦСПС, о которой здесь говорили некоторые ораторы. Когда здесь выступали члены ВЦСПС, жалуясь на политику Президиума ВЦСПС, члены ВЦСПС, которые ни на одном пленуме с этими жалобами не выступали, то я могу им сказать, что ведь политику Президиума ВЦСПС определяет Пленум. Каждый член Пленума ВЦСПС, считающий политику Президиума неправильной, на Пленуме

должен заявить Президиуму: вы, ребята, проводите политику неправильно. Не было этого. И вся эта критика была впустую. А между тем, прошло более полсотни ораторов, которые пытались критиковать, но заходили не с того конца. А неужели вы думаете, что нас не в чем было критиковать? Плохо вы наблюдали за работой ВЦСПС. Плохо вдумались в нее, плохо следили, а покритиковать есть что и, конечно, не одни изданные ВЦСПС, выкинутые тов. Куруловым на стол книжки, за которые еще на весеннем Пленуме я закатил головомойку РИО и культотделу ВЦСПС. Не это сейчас важно для рабочих. «Руководство для экскурсий по Черноморскому побережью» [1]) — не это важно. Кстати, здесь изложено не совсем так, как говорил тов. Курулов. Тут написано вот что:

„На одной трети пути от Батума шоссе пересекает новая граница с Турцией".

Вы, тов. Курулов, не дочитали до конца. Не потому такие книжки плохи, что правильно или неправильно в них об'ясняется, где проходит граница с Турцией, а потому, что не туда направляют внимание. Наши рабочие еще не интересуются экскурсиями по Черноморскому побережью. А самых элементарных книжек и брошюр мы им не даем. И я, в связи с этим, еще раз возвращаюсь к тов. Тихомировой. Может быть, года через три частушки будут нужны. А сейчас не в этом лежит центр тяжести. Мы готовы дорого заплатить тому, кто напишет популярную брошюру на тему: «Что такое кооперация?» «Что такое устав союза?» и т. д. Печатали много, но это все не то. Вот где лежит центр, вот где основа нашего издательства.

---

[1]) *С. Анисимов.* Черноморское побережье. Из-во ВЦСПС. 1925 г.

Кроме книжек, неужели у нас не было ошибок, за которые можно было поругать нас, покритиковать? Были, несомненно, но выступавшие ораторы не нашли их. Плохо они наблюдали за работой. У нас были ошибки, но не там, где нам указывали. Нам вменяли, между прочим, в вину: «вы плохо интересовались деятельностью соцстраха». Мы так интересовались деятельностью соцстраха, что у нас одно время все работники соцстраха в отставку хотели подать от нашего «интереса». Здесь мы интерес проявили очень внушительно. Мы можем представить и стенограмму заседания Президиума, где мы отмечали ошибки соцстраха. У нас, конечно, были в области соцстраха ошибки, были недосмотры. Были ошибки и в области кооперации, были ошибки и по вопросам зарплаты, мы вовсе не думаем отрицать этого; но следует отметить, что товарищи, которые выступали, выступали совершенно голословно.

О „дифференциации" культработы.

Не могу не ответить тов. Диаменту. Тов. Диамент вступил со мной в спор о том, что «Томский толкует дифференциацию, как расслоение». Почему, как расслоение? Это зависит от того, как понимать русский язык. Я не смею спорить с авторитетом тов. Диамента по этому вопросу, который ссылается на то, как употребляют это слово различные товарищи, приводит ряд авторитетов, вплоть до комсомола, Пролеткульта и т. д. Но сам Диамент пишет, как он переводит это иностранное слово. Он пишет: «основным из условий является культурная дифференциация (деление) рабочих масс». Что же лучше — «деление» или «расслоение»? Вы что же нам предлагаете —

деление рабочих масс? Благодарю вас. Не в том дело, тов. Диамент, что я неверно употребил это слово. Я, может быть, допустил неосмотрительность, когда на культсовещании употребил это слово, правда, в другом смысле. Но тов. Диамент пишет: «дифференциация профсоюзной культработы». Можно допустить неряшливость, но нужно сознаться, что это неряшливость. А когда неряшливость возводят в теорию и начинают оправдывать ее, то это никуда не годится, тов. Диамент. Я не хочу в данном случае льстить тов. Диаменту. Я прочитал его книгу не потому, что она хороша, а потому, что она, по-моему, плоха. *(Смех)*. Я не настолько свободный человек, чтобы только читать хорошие книги, наоборот, я имею только время читать опасные книги.

Книжка тов. Диамента носит название: «Спорные вопросы культработы». Кто с кем спорит? Этого не уяснишь. В этой книжке он пишет: «у физкультурников есть тяготение к своим центрам». Хорошее тяготение или нет? Как с этим бороться? И сам пишет дальше: «деление внутри рабочего класса на два слоя, на отдельные виды работы» и ссылается в оправдание себя на такой авторитет, как Пролеткульт. Пролеткульт солидная организация, но ведь не профессиональная организация находится под руководством Пролеткульта, а Пролеткульт находится под руководством профессиональной организации, и нам на прошлых грехах Пролеткульта учиться нечему. Тут будет старая пролеткультовская отрыжка, отрыжка некоторых старых культурных слоев интеллигенции. С этим мы должны бороться.

Далее он говорит о физкультурных клубах. Если вы будете строить чисто физкультурные клубы — я против

таких клубов. Если вы будете строить по примеру Ленинграда — я за такие клубы. Если вы будете строить физкультурные клубы на отлете, я скажу: это плохие клубы. Если вы будете строить клубы по типу ленинградского Дома Культуры, где членами будут отдельные клубы, где кружки из отдельных клубов будут вместе работать и ставить обще-культурные вопросы и т. д., — я за такой клуб. Но почему тов. Диамент проводит такие идеи? Не потому, что он в этом отношении ошибается больше всех. Нет. Тов. Диамент имел только удовольствие написать то, что говорят другие культработники, написать то, что другие не решаются сказать. Тов. Диамент невольно явился идеологом всех ошибок и ересей в этом вопросе. *(Смех)*. Какова же тенденция? Об'единить по отдельным линеечкам. Тов. Диамент защищает секции. Я не стану касаться этого вопроса, я думаю, что это ошибочная форма работы и, я думаю, вы убедитесь в этом, когда займетесь проработкой этого вопроса на культсекции. К чему это приведет? У московского союза металлистов в культотделе по плану работ, должно быть что-то около 31 заседания в месяц. Когда же работать? Секции часто обособляют отдельные виды работы.

Я не хочу, чтобы в этом чрезвычайно сложном, большой принципиальной важности, вопросе, когда я говорю об опасностях интеллигентских разговоров и теоретизирования внутри наших профорганизаций, — я не хочу, чтобы меня наш актив и культработники истолковали, как говорящего за погром интеллигенции. Никто этого не предлагает. Я, наоборот, предлагаю на культработу выдвигать новые культурные слои пролетарской интеллигенции. Ведь мы несколько лет выдвигаем тысячи сту-

дентов на рабфаки и вузы. Пора уже оттуда рабочему классу кое-что получить. Чему-то люди учатся. Почему мы не можем обратно взять детей рабочего класса, выученных, и влить в свою организацию? Это — интеллигенция наша, это — пролетарии, которые выучились чему-то, которые ушли от станка, прошли учебные заведения и должны вернуться в рабочую организацию, или на фабрику, или на завод. Эти слои надо привлекать. Почему студенты, вузовцы педагогических и разных других вузов и факультетов, не могут в порядке практики принимать участие в нашей просветительной работе, хотя бы в больших городах? Надо втягивать новые слои, помня, что каждая сторона работы должна быть увязана с общеклассовыми задачами пролетариата, и что не может быть речи ни о какой дифференциации на отдельные самостоятельные клеточки.

Линия ВЦСПС была правильной.

Товарищи, заканчивая свое заключительное слово, я должен сказать, что я ни в какой степени не хочу доказывать отсутствие у нас практических ошибок. Они были, как во всяком большом деле, а дело у нас большое. Ошибки были, но в общем и целом, я повторяю: линия была правильная, и, я думаю, этого никто оспаривать не будет. То, что на этом с'езде мы видим выступления молодых активистов, — целый ряд молодых активистов прошел через трибуну этого с'езда, — это новое явление. Я меньше всего способен говорить кому-нибудь комплименты. Я не скажу их и нашим молодым активистам. Если здесь перед нами прошла отрадная картина роста молодых слоев новых профработников, то мы все же должны сказать, что,

несмотря на то, что здесь чувствуется и молодой задор, и интерес, и горячность, чувствуется вместе с тем и слабость, чувствуется, что над этими слоями надо работать, что они сами долго должны работать над собой. Ни в какой степени не следует здесь увлекаться, но не следует и впадать в уныние. Наша работа рассчитана не от с'езда к с'езду, мы с вами еще проведем не один с'езд, а если не мы проведем, то другие вместо нас будут проводить; с'ездов будет много, и на каждом с'езде мы будем констатировать те или иные недостатки.

Я не раз говорил и повторяю, что не будет такого момента, когда у нас будут только достоинства и не будет недостатков. Если рабочая организация скажет: у меня только достоинства, а недостатков нет, — она погибла, тут застой, тут тупик, тут самодовольство. Мы недостатков не отрицаем, мы их должны изучать и на них учиться. Но в общем и целом следует признать, и я думаю, что С'езд единодушно признает, что избранный VI С'ездом Профсоюзов СССР Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов работал правильно и в данной обстановке сделал то, что мог. Вся работа за это время протекала под одним только лозунгом «ближе к массам». Каждое свое мероприятие, которое мы принимали на Президиуме, которое проводили в порядке текущей работы, мы сверяли, проверяли только под одним критерием—как оно отразится на низовой работе, не поведет ли к зажиму, к бюрократизму, к канцелярщине. И если у нас в том или ином случае были ошибки, то эти ошибки неизбежны во всякой работе. Пусть С'езд отметит эти ошибки, но С'езд, несомненно, в то же время отметит, что за эти два года Центральный Совет сделал все, что̀ мог, что̀ умел, что̀

было возможно при данной обстановке, в данных культурных условиях, для того, чтобы осуществить заветы Ильича: «Профсоюзы — ближе к массе, профсоюзы — на наиболее полное обслуживание экономических интересов рабочих, на поднятие культурного уровня рабочих». *(Бурные, долго несмолкающие аплодисменты).*

СОДЕРЖАНИЕ.

25493

Цена ~~15~~ коп.

75 к.

